
АЛЕКСАНДР АНДРИЕВСКИЙ

Роман с авиацией

Технология авиакатастроф

Александр Владимирович Андриевский

Роман с авиацией. Технология авиакатастроф

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17071952

Роман с авиацией. Технология авиакатастроф (Записки командира авиалайнера)/ Андриевский А.

В.: Политехника; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-7325-0879-6

Аннотация

Эта повесть о тебе, мой юный романтик, пытающийся вырваться из тесного мирка своего двора на просторы воздушного океана, чтобы за штурвалом боевого самолета или реактивного пассажирского авиалайнера вступить в борьбу со стихией, открыть для себя новые земли и встретить верных, преданных друзей – настоящих мужчин, таких, как ты.

Содержание

Роман с авиацией	4
Часть первая	4
Поступление в спецшколу	4
Медкомиссия	6
Мы – «спецы»	8
«Ратники»	10
Летние лагеря	15
«Крещение»	16
Часть вторая	20
Последнее «прости»	20
«Суслики» проснулись	26
Первые «перышки»	27
Один в бескрайнем небе	29
Первый отпуск	32
Кировабад	33
Снова в казахские степи	35
Учебное катапультирование	37
Полеты «на трубе»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Андриевский

Роман с авиацией.

Технология авиакатастроф

Роман с авиацией

Повесть

Братьям по штурвалу посвящается

Разговаривая с самим собой, по существу, приходится обозначать себя словом, что крутится в воздухе воспоминаниями ярких солнечных дней, над которыми тяготеет суровый рок.

Часть первая

«Спецы»

Поступление в спецшколу

«Спец!» В этом слове для людей, когда-либо учившихся в спецшколах ВВС, которые были организованы под эгидой Министерства просвещения в основном для ребят, оставшихся после войны без отцов, сосредоточено многое. В них ковался дух будущих авиаторов, ибо раньше были деревянные самолеты, но железные люди, и «каждый Понтий мечтал быть Пилотом». Любовь к авиации, романтика юности, мечты о будущем, которое рисовалось обязательно в виде человека за штурвалом самолета, самостоятельность в принятии решений, интересная работа – сливались воедино. Зачитывались романом о двух капитанах Валентина Каверина, по несколько раз смотрели фильмы об авиации, в одном из которых всенародно любимый актер и певец Марк Бернес, исполняющий роль героя-летчика, садился за фортепьяно и пел: «В далекий край товарищ улетает...», а в другом – при выполнении испытательного полета он катапультируется из реактивного истребителя. Эти впечатления оставили неизгладимый след в сердцах пятнадцатилетних подростков, чудом выживших в тяжелые, голодные военные годы. Никто не задумывался о том, какая судьба ждет нас в авиации, что принесет нам эта дорога. Мы были романтиками. И очень хотели стать летчиками. И такая возможность появилась – в Свердловске открылась спецшкола ВВС. В послевоенную годину государство вовремя позаботилось о том, чтобы помочь мальчишкам, у которых война забрала отцов, найти свою дорогу в жизни. Такие спецшколы и суворовские училища появились во многих городах России.

Как в те годы выглядел «спец»? Короткая, едва выглядывающая из-под ремня гимнастерочка, белый (всегда свежий!) подворотничок, узкие голубые погоны с желтым кантом (часто самопальные – из золотистой фольги с орнаментом), темно-синие, неимоверной ширины, тщательно отутюженные, с голубым кантом брюки, начищенные до зеркального блеска ботинки, фуражка с «крабом и крылышками», сдвинутая на затылок. Строгий, сосредоточенный, полный собственного достоинства взгляд, и мелкая семяющая походка. Именно походка указывала на то, что в данный момент «спец» занят чем-то важным. Он в

работе. Отвлекать его нельзя. Он спешит. Но совсем по-другому выглядит «спец», когда он отдыхает, прогуливается в компании друзей по своей территории – «спецбульвару» (суворовцы, как серьезные конкуренты, оттуда изгонялись) – центральному скверу города, где стоит памятник Якову Свердлову, как раз напротив Оперного театра, того самого, где пел Борис Штоколов (тоже бывший «спец»). Воротник его гимнастерки обязательно расстегнут, фуражка по-прежнему на затылке, взгляд небрежно веселый, а походка – походка совсем иная: медленная, ленивая, вразвалочку, ноги ставит, заноса их в стороны, так что штанины брюк закручиваются вокруг ног, замата мусор и поднимая облако пыли. А так как начальства близко нет, для большего веса в зубах – папироса. И смотрит на проходящих девчонок обворожительным взглядом, словно Винни-Пух, прогуливающийся вокруг дерева, на котором находится дупло с медом. Еще в седьмом классе я обратил внимание на парнишек, уверенно топающих по деревянным доскам «плотники» через реку Исеть – место прогулок городской молодежи нашего города, называвшегося тогда Свердловском. В авиационной форме, офицерской фуражке с «крабом» и в компании самых симпатичных девчонок нашего города. Выяснил кто такие. Оказалось – «спецшкольники»! Учатся три года. А дальше их направляют в военные авиационные училища. «Значит, будут летчиками? О! Это мне подходит». И вдруг говорят, что в спецшколу берут только абсолютно годных по здоровью к летной работе. А в этом я совсем не был уверен.

Неплохо стоял на коньках – вместо школьных занятий постоянно «казачил» и торчал на катке. Для выработки воли вместе с моим школьным другом Геннадием Бокаревым занимались в боксерской секции Дома офицеров, где все ребята имели первый разряд по боксу. Здоровяк Геннадий проходил где-то в полутяжелом весе, я же тянул только на первый полусредний. Но это не мешало нам в свободное от секций время отрабатывать приемы бокса и молотить друг друга до седьмого пота во дворе деревянного дома на краю города, где я жил. Из подручного материала мы смастерили боксерскую грушу, а из деревянных дощечек – лапы, на которых отрабатывали свое мастерство (благо боксерские перчатки у нас были). Однажды, проморгав удар Гены и вовремя не спарировав его лапой, я получил этой, обитой с внешней стороны мягкой тканью из старых штанов деревяшкой, хороший удар в бровь и сразу же стал похож на очковую змею. Глаз проморгался, но синяк еще долго светил и вызывал обидные подначки наших уличных ребят. Но после того, когда кто-то из них увидел нас на ринге в Парке культуры, где мы впервые участвовали в городских соревнованиях, и я выиграл свой первый бой, остряки притихли.

Секцией бокса руководил бывший чемпион России, мастер спорта Георгий Айвазов. Опытнейший тренер, он щадил наше самолюбие и головы и зорко следил за тем, чтобы во время спаррингов разрядники не наставили нам лишних синяков. В секции был действующий чемпион России, перворазрядник Юрий Хохлов, который щедро делился с нами своим опытом, особое внимание обращая на умение работать не только по челюстям, но и по корпусу. Приобретенный опыт очень пригодился нам в дальнейшей жизни. Но об этом потом.

Снова и снова я внимательно приглядывался к «спецам». И мысленно сравнивал себя с ними. Физически крепкие, здоровые ребята, на груди сияет целый иконостас значков спортивных разрядов. Вот они какие, будущие летчики! А я что? Худоба... Но все-таки решил попытать счастья, тем более, что к тому времени случайно познакомился с бывшим учеником нашей школы Володей Новоселовым. Знакомство с ним было как нельзя кстати. Он поддержал меня, помог написать заявление о приеме. Собрав все необходимые документы, я отправился в спецшколу. Отличное настроение мое по мере приближения к школе улетучивалось. Одолевала робость. Как на меня будут смотреть коренные «спецы», когда увидят в стенах своего священного заведения какого-то лопоухого юнца?

Первое, что сразу бросилось в глаза, надпись: «Спецшкола ВВС». Что-то внутри задрожало, сердце учащенно забило. А мимо снуют «спецы» и, оказывается, не обращают на

меня никакого внимания. Во дворе, где были установлены спортивные снаряды, одни крутили на перекладине какие-то замысловатые фигуры, другие на площадке играли в волейбол. А когда я вошел вовнутрь моей будущей обители... Бог мой! Прохлада, какой-то специфический запах. Широкую лестницу, ведущую на второй этаж, охраняли два огромных гипсовых летчика в шлемах и с планшетами. На подставках с колесиками стояли (сразу догадался, хотя и видел в первый раз) два авиационных двигателя, почему-то с вырезанными кусками. Сначала подумал, что эти куски вырваны в воздушных боях. Внутри меня все еще что-то дрожало, язык сделался толстым и непослушным. Если бы у меня в тот момент что-нибудь спросили, уверен, что внятного ответа не получили бы. Когда я более внимательно огляделся по сторонам, то увидел еще около десятка таких же, как я, искателей приключений, робко стоящих по углам. Одно лицо показалось мне знакомым, но только никак не мог вспомнить, где я его видел раньше. Мы радостно кивнули друг другу. Как оказалось впоследствии, это был Юра Лапкин – тоже из нашей школы. Он жил недалеко от меня, в военном городке, где служил его отец. О чем говорили, не помню. Вскоре вышла секретарша и попросила сдать ей все наши бумажки. Еще через полчаса из-за массивной двери приемной прозвучала моя фамилия. Ноги отказывались идти, но надо было проявить решительность, и я шагнул навстречу судьбе.

В большом кабинете за столом сидело несколько человек, многие были в летной форме. Оглядели меня оценивающим взглядом. Потом кто-то из них громко спросил: «Кем хочешь быть?» – Я так же громко ответил: «Истребителем!» – Никто из членов комиссии даже не поднял головы. Изучали мои тройки (были, правда, и четверки, и даже пятерки). Ну, думаю, тут мне и конец. Но вдруг, и как-то спокойно, сказали, что не против приема меня в спецшколу. Может быть, решающим было то, что мой отец погиб на фронте и награжден посмертно орденом Красной Звезды. В школе были ребята с боевыми наградами и знаками о ранениях – круглые сироты – «сыновья полков», воевавшие в действующих частях и партизанских отрядах, – те, которые уже заплатили государству «налог кровью». В школе они пользовались особым уважением.

Для окончательного зачисления в спецшколу ВВС всем нам нужно было пройти летную медкомиссию. Назначили срок прибытия и... отпустили. Не помню, как я очутился за воротами школы. Хотелось петь и кувыркаться. Все встречные «спецы» (они еще не уехали в летний лагерь) казались мне родными.

Медкомиссия

В назначенный день я прибыл в спецшколу. Во дворе уже собралось человек пятьдесят. С трудом построив нас в две шеренги, посчитали по головам, отделили человек двенадцать и отправили в сопровождении офицера в военный госпиталь. Там выдали пока еще не заполненные медицинские карты, на которых красовалось наше фото и названия кабинетов врачей. Тогда я впервые узнал, что у человека есть какие-то «ЛОР-органы», что врачи – невропатологи, окулисты, терапевты – изучают человека по частям. А для чего хирургический кабинет? Резать, что ли, будут? Вроде бы ничего лишнего нет. Пожалуй, вырезать можно только аппендицит. Но ради поступления в спецшколу нужно чем-то поступиться. Ну, раз надо, значит надо! Говорили, что будут проверять на испуг, заставляя пройти по темной комнате, в которой есть яма. Оступился, а на тебя смотрят: как ты? Струхнул, значит, какой из тебя летчик?

Первый кабинет – невропатолог. За столом огромного роста, с лысым черепом, на котором висят очки с толстыми стеклами, что-то пишущий врач. – «Раздевайся!» – не поднимая головы, прогремела команда. Спешно разделся, подошел поближе. Врач как-то оценивающе посмотрел на меня, ощупал, как повар молодого куренка. А у меня мороз по коже. То ли от

холода (летом-то!), то ли от этих самых нервов. Колотит, и все тут. Посмотрел на его столик, а там – мама моя! – какие-то щипчики, молоточки и еще что-то блестящее. Увеличенные огромными лупами очки черные глаза гипнотизера врезались в мои: «Носки, пятки вместе, руки вытянуть вперед, пальцы растопырить, закрыть глаза!» Сколько стоял, не знаю, но очень долго. Я чувствовал, что его взгляд продолжал сверлить мой мозг. Усилив воли, как учили в боксе, я заставил себя поставить «стенку». «Открыть глаза!» – открыл. Он поцарапал какой-то спицей по груди и как рявкнет: «Садись на кушетку, нога на ногу!» – берет молоток и... хрясь меня по колену! Нога самопроизвольно прыгнула вверх, а я чуть не свалился с кушетки. Еще после нескольких процедур он взял со стола мою «побегушку» и, что-то там черкнув, равнодушно сказал: «Одевайся!». Так в моей карточке появилась первая запись: «Годен без ограничений». Я вспомнил, как в детстве однажды испытал свою выдержку: играя в прятки, я около часа на общей кухне пролежал без движения под железным корытом – меня так и не нашли.

«Ухо – горло – нос» прошел довольно быстро. Смушал только вращающийся стул, с которого после нескольких вращений в разные стороны многие ребята почему-то вываливались. Дело в том, что вместе со мной в кабинете был еще один парень, здоровяк, не в пример мне. Когда его хорошо покрутили в разные стороны, а потом заставили поднять голову строго вертикально, она пошла набок. А когда прямо со стула его попросили встать и пройти по половице прямо, он почти дошел до двери, но в конце пути его швырнуло в сторону о стену. Тут же спокойно прозвучал приговор: «Не годен!». Я весь собрался, боясь, что меня так же кувыркнет. Но все обошлось.

Следующим был кабинет хирурга. К этому времени двоих она уже списала. Услышав за дверью: «Следующий!», – вошел. Запах духов и спирта. За столом сидит молодая симпатичная женщина, а у окна стоит еще более симпатичная студентка-практикантка лет девятинадцати. Доктор тщательно ощупала мою голову, как по клавишам рояля, провела рукой по позвоночнику, спросила, не падал ли с деревьев или еще откуда, не попадал ли под машину и не терял ли при этом сознание. Вспомнил, что сознание не терял, не падал (падал конечно, но не сказал). Пришлось пережить и несколько не совсем приятных минут. Поступило предложение спустить трусы до колен. И это в присутствии практикантки! Но ничего не подлаешь – врач есть врач. Но зато в моей карточке появилась последняя запись: «Годен без ограничений».

Ура! Я прошел летную медкомиссию.

На следующий день я узнал, что добрая половина на первый взгляд крепких парней комиссию не прошла. И, как ни странно, среди них был и рыжий здоровяк, который все время кричал, что любая комиссия для него – ерунда, и которому многие откровенно завидовали. Такую летно-медицинскую экспертизу мы теперь будем проходить каждый год всю оставшуюся летную жизнь, и каждый раз нас будет оставаться все меньше и меньше. По разным причинам только один из десяти станет выпускником летного училища. А пока прошедшим первое чистилище торжественно объявили, что мы приняты и должны явиться в школу только первого сентября. Домой я летел, как на крыльях. На душе было легко и весело. Сколько радостных событий за один день. Я без пяти минут «спец»! И отныне эта школа будет моей родной семьей. Да здравствует авиация!

До начала занятий оставалось два месяца, и надо было зарабатывать на жизнь. Мы с товарищем по нашим довоенным дворам, Женькой Синицыным, будущим таксистом, нашли работу на одном из заводов по вывозу бревен из леса. С утра бригада из пяти человек, где я был самым хилым, садилась в кузов грузовика с прицепом, который около двух часов грохотал сначала по Московскому тракту, а затем около часа по лесной дороге – на делянку. Поставив наклонные бревна-лаги на платформу грузовика и прицеп, мы, как муравьи, накачивали по ним толстенные, заранее заготовленные и освобожденные от веток ели. Весь про-

цесс занимал часа четыре. Крепили бревна, ломом стягивая их толстой проволокой, забирались на самый верх и двигались обратно. Работа не из легких, но зато целый день на природе. И платили по тем временам неплохо: на эти деньги я купил себе фотоаппарат «Юность» и охотничье ружье, с которым успел съездить на утиную охоту. Расстреляв все патроны и попав в одну-единственную утку, которая упала на середину огромного болота, я из-за отсутствия охотничьей собаки, рискуя быть засосанным трясинной, достал ее сам. Освеженная кряква с насованной вовнутрь крапивой по прибытии домой все равно протухла и была отдана нашей вечно голодной дворовой собаке, которая последнее время уже перешла на соседских кур. На том мои охотничьи инстинкты и заглохли.

И вот уже конец августа, последний рейс за лесом, а завтра в школу. Приехали, загрузили и, как назло, полил дождь. Видим, наш шофер проявляет нервозность – думает, как выбраться из глины на тракт. Уже вечер, а наш грузовик все еще елозит по размокшей лесной дороге. Дождь переходит в грозу. Стемнело. При свете молний мы видим, как гнутся стволы елей. Машина завязла. Шофер принимает решение разгрузить машину, чтобы двигаться дальше. Развязываем и раскатываем бревна. Но и это не помогло. Всю ночь протолкав грузовик, изрядно проголодавшись и промокнув до нитки, мы с другом принимаем решение: выходить на Московский тракт самостоятельно, а там – домой на попутной машине. Я уже понимаю, что не успею к началу занятий. Светает, а мы, засунув руки в карманы, все топаем по размытой колее к тракту. Слышу сзади смачный шлепок. Оборачиваюсь и вижу, что Женька лежит в глубокой колее холодной дождевой воды. Так же, не вынимая рук из карманов своих лыжных штанов, он медленно поднимается и без всяких эмоций продолжает шлепать дальше. Из отяжелевших промокших штанов льется грязь. Наконец вышли на тракт, останавливаем какой-то грузовик, шофер, взглянув на наше грязное облачение, показывает рукой на открытый кузов. Холодно. От встречного ветра одежда начала понемногу просыхать и, когда я завалился в шесть утра домой, с мамой чуть не случился обморок. Замерзший до синевы, в мокрых разбитых ботинках, из которых лилась дорожная грязь, я представлял неприглядное зрелище. Однако положение обязывало. Я быстро привел себя в порядок, переделался в то, что было, натянул старые штиблеты и двинулся в школу.

Мы – «спецы»

Первого сентября, около восьми часов утра мы, будущие спецшкольники, уже толкались у входа в школу. Мимо нас то и дело фланировали прибывшие из летнего лагеря «спецы» и оценивающее поглядывали на новичков. Изредка, в разговоре между собой, у них проскакивало непонятное для нас слово «ратники». Что это такое, мы узнали несколько позже. А сейчас, глядя на них, мы невольно восхищались их бравым видом: загорелые, крепкие, в хорошо пригнанной форме, они казались нам тем эталоном, на который надо равняться.

Выстроенным в шеренги, млеющим от счастья новоиспеченным романтикам вдруг объявили, что завтра все должны прийти в школу подстриженными «под ноль» – таков порядок. Вот те на! Только вчера мы хвастались нашим гражданским сверстникам своим новым статусом, а завтра должны предстать перед ними лысыми. Слоняясь, пока нас не позвали, я опять увидел Юрку и еще одного знакомого из моей прежней гражданской школы – Володю Кускова. Мы решили держаться вместе и отправились в ближайшую парикмахерскую.

Первым на экзекуцию пошел Юрка, а мы наблюдали за ним из-за занавески. В считанные секунды его белокурые волосы, как «с белых яблонь дым», посыпались на пол, и он сразу же стал похож на недозревшую ташкентскую дыню. Но никто уже не хихикал. Через несколько минут трое парней, с натянутыми на лысые головы по уши заранее припасенными кепками, с опаской, словно сбежавшие из тифозного барака, выглядывали из-за угла Пуш-

кинской улицы на улицу Малышева, куда лежал наш дальнейший путь, чтобы незаметно пробраться по домам. Но я все-таки нарвался на моего школьного друга Гену Бокарева, который, содрав с меня кепку, долго хохотал над моим новым обликом. Конечно, я понимал, что его смех был вызван скорее сожалением о том, что наши пути отныне резко расходятся. А ведь мы когда-то мечтали готовиться к поступлению в МГУ на физмат (с нашими-то тройками!). Но такова жизнь...

На следующее утро нас построили в две шеренги во дворе и произвели переключку. Бритоголовых оказалось полторы с лишним сотни. Объявили, что отныне мы учащиеся специальной средней школы Военно-Воздушных Сил, традиции которой мы должны уважать и поддерживать.

Всем нам подсознательно хотелось реализовать стремление всех послевоенных ребят, оставшихся без отцов, вырваться из того порочного круга дворовой шпаны, чтобы принадлежать к узкой группе людей, имеющих общую цель и общего врага. Мне казалось, что только разведчик в стане врагов может принимать самостоятельные решения, но туда по молодости трудно было найти дорогу. Теперь, и пока только по кинофильмам, я знал, что летчик в воздухе, чтобы выполнить задание, тоже принимает самостоятельное решение. Но для этого надо много работать над собой, и мы были к этому готовы.

Структурно спецшкола делилась на три роты: третья рота – новички, вторая – девятый класс, первая – выпускники. Нам представили командира роты. Им оказался старший лейтенант с планшетом и необычным нагрудным значком – Иценко (мы уже заметили его раньше). После переключки началась разбивка на взводы. По взводам распределяли ребят, изучавших в школе один и тот же иностранный язык. Так мы с Юркой попали в один взвод (по-граждански – класс). Командир взвода лейтенант Степанов, высокий блондин с худым и ничего не выражающим лицом, в исключительно пригнанной летной форме, смахивал на Штубинга из кинофильма «Подвиг разведчика». С первых же дней он повел себя с нами очень сурово, не прощая ни малейшей оплошности. Особенно от него доставалось тем ребятам, которые жили в городе со своими родителями (для иногородних прямо в спецшколе был организован полный интернат). Городские тоже были поставлены на полное питание и кормили нас по тем временам очень хорошо. Мы сидели в уютной столовой по четыре человека за столом, накрытым белой скатертью. За нашим столом сидел отличавшийся особой худобой и хорошим аппетитом Володя Зуев. И когда кому-либо из нас в тарелке с супом попадался малосъедобный кусок мяса, мы молча перекладывали его в тарелку Владимиру, который все это съедал с большим удовольствием.

Питанием в спецшколе заведовал отставной интендант, очень трепетно относившийся к своим обязанностям. К каждому «спецу» он относился как к своему сыну. В кармане его зеленого, с накладными карманами кителя сталинского пошива всегда имелись конфеты-подушечки, которыми иногда он угощал и меня.

После занятий и сытного обеда «городские» отправлялись по домам, а интернатовцы шли на «мертвый час», а потом по расписанию была обязательная самоподготовка. Периодически на самоподготовку оставляли и «городских». Отсутствующих наказывали нарядом вне очереди: дежурством в столовой, мытьем полов, заготовкой угля, подметанием обширной школьной территории – за свободу надо платить. Нам казалось, что ни в одном взводе не объявляли столько нарядов вне очереди, как у нас. Таков был наш командир.

Командир роты был менее суров с нами. Кадровый офицер, человек своеобразный и интересный. Слушая его, мы удивлялись: в каких войсках он только не служил! По его словам, он был и летчиком-наблюдателем, и сапером, и пехотинцем. Был на фронте серьезно ранен в грудь и поэтому ходил как-то одним плечом вперед, враскачку. Особое впечатление на нас производил значок, который украшал его гимнастерку – такого мы не видели больше ни у кого: серебряные крылья с парашютом посередине и какие-то непонятные нам буквы.

Потом мы даже выложили этот значок из цветов и подручного материала на клумбе нашего летнего лагеря. Это был значок воздушно-десантных войск, о которых в то время мы знали только понаслышке. Хобби командира роты был мотокружок. В кружке было два мотоцикла, один из них даже с коляской. Этот мотоцикл был почти собственностью командира роты. Ездить на нем он никому не давал, за исключением Юры Котобутдинова (подпольная кличка Кот), который оказался заядлым автомобилистом. Иценко носился на своем мотоцикле по городу, не опасаясь сотрудников ГАИ даже после выпитой после бани кружки пива. Видимо, он справедливо полагал, что авиационная форма и планшет на боку являются гарантией от любых случайностей.

Не менее колоритной фигурой был и командир батальона подполковник Махнин. «Спецы» меж собой звали его Махно. Это был мужчина уже в годах, ростом более двух метров, с длинными руками и выпиравшей вперед, как у гренадера, грудью. Любимым его развлечением была ловля курящих в перемену «спецов». Наказание за это неблаговидное занятие следовало незамедлительно – виновный лишался шевелюры. Другого наказания комбат не признавал. Но это было не единственным его развлечением. Иногда он делал так: утром, когда городские «спецы» приходили в школу, он вставал у входа и взглядом бывшего снайпера пристально всматривался в ширину наших брюк. Если обнаруживал вшитые в брюки клинья (а это был последний «писк» самопальной моды), отправлял таких стилиг в свой кабинет, где вручал им кривой садовый нож и заставлял выпаривать вшитые с таким трудом клинья – брюки снова приобретали первоначальный вид. Можно представить состояние такого бедолаги, когда он выходил из кабинета, хлопая распоротыми штанинами. Просидев с таким дефектом целый день не выходя из класса, сразу после занятий «спец» снова вооружался ножницами и из старых брюк кроил себе новые клинья и на имеющейся в школе, неведомо какими путями туда попавшей старой швейной машинке «Зингер» вставлял их на прежнее место. Мне тоже пришлось однажды пройти через эту позорную экзекуцию, но любовь к клешам у меня не пропала.

Начальника школы мы видели только по большим праздникам. Поглощенный повседневными заботами (а их было немало), он был немногословен и редко выходил из своего кабинета. Авиационный инженер по образованию, военный китель которого украшали многочисленные колодки боевых орденов и медалей, он разумно и мудро руководил огромным хозяйством вверенной ему школы. Персонал школы его уважал, а «спецы» побаивались. Он никогда лично никого не наказывал и воспитывал нас только через своих подчиненных офицеров.

В городе кроме спецшколы ВВС и Суворовского училища была еще Военная школа музыкантов. У каждого заведения были своя зона обитания и свои поклонники. Даже случайное попадание в чужую зону грозило вооруженным конфликтом с применением ремней с пряжками. И когда в помещение казармы вбегал взъерошенный «спец» с сообщением о появлении на «спецбульваре» группы «Суриков» или «духоперов», все дружно срывались на подмогу. На следующее утро при построении роты, не требуя объяснений старшины, командир по синякам на наших лицах видел степень издержек битвы за территорию: «Старшина! Глаза, руки, ноги целы?» – «Целы, товарищ командир!» – «Разойдись!»... Каждому человеку в жизни отпущена своя мера трудностей, преодоление которых во многом и формирует характер. На древнем инстинкте защиты своей территории формировался будущий характер защитника Отечества.

«Ратники»

Уже вскоре мы узнали, что мы еще не «спецы», а всего лишь «ратники». «Ратниками» называли тех, кто обучался в спецшколе первый год и еще не прошел «крещения». Проце-

дура «крещения» происходила после окончания учебного года, в летних лагерях. Она заключалась в сбрасывании «ратника» с пятиметровой вышки в пруд. Только после этого «ратник» получал статус «спеца». Но об этом потом, если у тебя, мой читатель, хватит терпения прочитать это житие.

Итак, учеба в спецшколе началась. Я сразу забил постоянное место на предпоследней парте, в левом ряду, вместе с высоким скуластым парнем. С его добродушного лица не сходила улыбка, от которой по углам рта образовались глубокие складки. Это был Володя Кусков. Первые дни в школе мы знакомились друг с другом, с нашими новыми преподавателями, привыкали к новой для нас жизни.

Преподавательский коллектив состоял из людей опытных и знающих свой предмет. Особенно колоритной фигурой был учитель математики Никанор Иванович Рязанцев. Чудесный человек и замечательный педагог. Все «спецы» его очень уважали. Это был единственный преподаватель, у которого двойку было получить гораздо труднее, чем тройку. Никанор Иванович умел вытряхнуть из незадачливого ученика (уже готового получить двойку и не мучиться больше) мельчайшие крупинки знаний, которые каким-то образом задержались в его голове. Было смешно и одновременно страшно смотреть, как маялся у доски, решая какую-нибудь задачку, этот бедолага. А Никанор Иванович в это время прохаживался вдоль крайнего ряда парт, скрестив пальцы рук на большом животе и иногда покрикивая на подсказчиков. Выбив таким образом из вспотевшего ученика все, что тот знал, Никанор Иванович глубоко вздыхал и говорил: «Садись на место, бездельник!» – и... ставил тройку. А если Никанор Иванович ставил тройку, значит какая-то надежда у бездельника оставалась. А вот когда мокрый и красный от натуги ученик ничего вразумительного сказать не мог, как ни выкручивал его наш учитель, тогда он получал двойку. Но такие случаи были крайне редки.

Преподавателем русского языка и литературы была Васса Николаевна Казанцева. Замечательный педагог, несмотря на молодость, – ей было лет двадцать пять, – и прекрасный человек. Она до самозабвения любила и очень хорошо знала свой предмет, рассказывала интересно, просто и понятно. С ней легко было разговаривать на любую тему. Она старалась привить нам любовь как к произведениям классиков, так и к современным писателям и поэтам. Иногда она вела с нами беседы, казалось бы, на отвлеченные темы: рассказывала о театральных постановках, кинофильмах, филармонических концертах. По нашей молодости и невежеству мы были еще далеки от всего этого, но с интересом и жадностью впитывали в себя эти новые знания. Однако, как ни легко было с ней разговаривать, отвечать у доски было не так-то просто. Васса Николаевна задавала иногда такие вопросы, которые, казалось, не относились напрямую к изучаемой теме, а на самом деле были тесно связаны с ней. И здесь все зависело от сообразительности ученика. Она поощряла в нас самостоятельность, умение мыслить, высказывать и отстаивать свое мнение. Настоящий патриот своего дела, она самоотверженно заботилась о формировании наших еще неокрепших душ. «Я родился во тьме, но люблю свет», – спасибо тебе, наш любимый учитель, ты сделала нас способными отличить зерно от плевел.

Кабинетом физики заведовал Розенберг – круглолицый, розовощекий, довольно веселый мужчина. Предмет свой он знал великолепно и новый материал объяснял доходчиво и эмоционально; втолковывая нам законы физики, увлекался сам и увлекал нас. Как слон, бегая по саванне, машет своими огромными ушами для охлаждения тела, так и наш «ядерщик»: каждый раз по мере объяснения нового материала он, ускоряя темп хождения вдоль классной доски, постепенно расстегивал железные пуговицы на своем военном кителе, затем снимал галстук, расстегивал воротничок и засучивал рукава. Вызывая к доске ученика решать какую-нибудь задачу, он клал указательный палец на свой нос, наклонял лысую, с оставшимися клочками ботвы, голову набок и из этого сооружения, как из дота, очень вни-

мательно следил за ходом ее решения. И стоило тому допустить малейшую ошибку или на минуту задуматься, как разочарованный преподаватель тут же объявлял: «Садитесь! Не знаете! Два, два, два!» Ошарашенный ученик с позором садился на свое место. Уже много позже мы поняли, что, видимо, таким образом преподаватель заранее готовил будущих летчиков к быстрому принятию правильного решения, ибо в летном деле «промедление смерти подобно».

У преподавателя основ дарвинизма был свой любимый «конек». Почему-то из всех обитающих на Земле животных он больше всех любил обезьян, а особенно равнодушен был к гиббону. Разглядывая нас сквозь линзы своих очков, он так подробно объяснял повадки этого человекообразного, что временами мы видели в нем себя. Мы его так и прозвали – Гиббон. В классе у него было много наглядных пособий, но особенно Гиббон дорожил скелетом человека, запрещая нам даже прикасаться к нему. Но разве для нас существовало что-нибудь запретное? И скелету доставалось. То его, несчастного, кто-то щелкнет по черепу, то похлопает по челюстям, а то и руку пожмет. А однажды его ухитрились вооружить шваброй, которая в момент открывания шкафа неожиданно вывалилась на нашего Гиббона.

Прошла уже неделя занятий, а мы, сверкая бритыми головами, все еще ходили в своей гражданской одежде. Но вот, наконец, поступила долгожданная команда идти на склад. Форма оказалась размеров приблизительных: кому-то длинны брюки и коротка гимнастерка, кому-то наоборот. Но ребята не растерялись – тут же произошел взаимообмен, и все остались довольны. Главное – форма! Теперь мы в городе фигуры заметные. Посторонись, прохожий!

На следующее утро все явились в отглаженной и пригнанной по фигуре форме. Лица сияли от радости. Наголо обритых голов уже никто не замечал – их прикрывали синие, с голубым кантом, летные пилотки. Правда, по сравнению со «спецами» первой и второй рот мы выглядели не так блестяще. Дело в том, что наша форма уже была в употреблении, наврное, сезона три-четыре – старая, выгоревшая и застиранная. А ученики старших рот получали, как правило, новую форму. Но нас это не волновало. Придет время, и у нас тоже будет новая форма. Таков порядок, и мы это понимали. Нужно было сначала научиться носить то, что дают. А это оказалось непростой наукой. Но этого мало. Чтобы тебя уважали твои сверстники, надо было еще что-нибудь заработать «на грудь». У всех «спецов» были значки спортивных разрядов, полученные ими на городских и областных соревнованиях, где наши ребята всегда показывали высокие результаты. Особенно в моде были гимнастика, акробатика, бег, плавание, бокс, хоккей и лыжи. В спецшколе было два преподавателя физкультуры. Они сразу взялись за нас. Кому-то порекомендовали заняться гимнастикой, кому-то – боксом. Многих направили в спортивные секции окружного Дома офицеров. А поскольку я с моим школьным другом Геннадием Бокаревым уже год занимался в секции бокса, то для меня проблемы выбора не существовало. И до тех пор, пока мы чему-то не научились, слово «ратник» не сходило с уст старых «спецов». Они не стеснялись за нашу серость и неповоротливость иногда дать кому-нибудь и подзатыльник. Но «дедовщины» в современном понимании этого слова не существовало. От армии тогда еще никто «не косил». Бывших «зеков», которые потом и притащили в нее свои порядки, в защитники Отечества еще на улицах не отлавливали. Среди нас тоже были здоровяки и забияки, которые могли хорошо ответить. После нескольких стычек, последнее слово в которых всегда было за старшими, оплеухи и тычки прекратились. Нам просто давали понять, что «спецов» из нас еще надо делать. Так и жили мы рядовой ратью, выполняя всю черновую работу: пилили, кололи, грузили и таскали уголь, чистили и мыли туалеты, выносили из столовой отходы. Но никто никогда не роптал, ибо знали, что «через тернии лежит путь к звездам».

Распорядок дня в спецшколе был установлен еще со дня ее основания. В восемь утра завтрак и до четырнадцати часов учеба, потом обед и час отдыха, затем самоподготовка к урокам на завтра и свободное время – спортивные секции, чтение книг и прочие занятия. Так

незаметно прожили мы до дня Красной Армии (так она тогда называлась). На парад войск «ратников» еще не пускали – нужно было пройти соответствующую строевую подготовку. В этот день в спецшколе традиционно устраивался праздничный бал. Мы, «ратники», присутствовали на нем впервые. Это был не просто вечер танцев. Каждый «спец» приглашал знакомую девушку по выдаваемому ему пригласительному билету.

И это делалось специально, ибо отбоя от желающих туда попасть не было. Наряду дневальных у входных дверей приходилось сдерживать толпу девчонок, пытающихся взять вход приступом. Почти у всех «спецов» уже были подружки из разных школ, так как они неоднократно приглашались ими на их школьные вечера и пользовались славой отменных танцоров. Ну а мы, новички, почти не имели знакомых барышень, однако билеты были и у нас. То, что в спецшколе бал, знал весь город, и «ничейные» девчонки толкались перед входом в школу в надежде на чей-нибудь свободный билетик. И когда какой-то «ратник» выходил из школы и поднимал над головой свой билет, его просто разрывали на части. Я тоже торчал у входа в ожидании моей первой симпатии – Риммочки Сысоевой, но она не появлялась. Видимо, как я тогда думал, она считала ниже своего достоинства прийти без официального приглашения. Чувство собственного достоинства этой кудрявой, красивой и умной девочки с отточенной фигуркой превалировало над естественным желанием потанцевать под запрещенную джазовую музыку, которая так импонировала энергии нашей молодости и звучала только у нас. Уже и этим она еще тогда завоевала мое сердце, с ней были связаны мои надежды.

Спецшкола сияла огнями. Сияли и «спецы». Новые кители, отутюженные «клеши», зеркальный блеск паркета, ботинок, кожаных ремней и погон. И среди этого великолепия яркость и пестрота праздничных нарядов приглашенных из женских школ девчонок придавали особую окраску и значение происходящему. А по углам просторного танцевального зала спецшколы толкались неотесанные «ратники», своим присутствием как бы подчеркивая разницу между ними и настоящими «спецами». Одного взгляда было достаточно, чтобы отличить нашего брата от «спеца» – коротенький ежик только что отросших волос, потертый китель с чужого плеча, брюки пока еще дудочкой и кирзовые ботинки. Но все было продумано. Любую форму надо заслужить и уметь носить. И нам предлагалось проявить свои способности в шитье, утюжке и чистке обуви. Совсем скоро мы в совершенстве овладели этим искусством, и сегодня по умению носить форму можно с первого взгляда отличить бывшего «спеца». А пока мы старались принять независимый вид и не смотреть на лихо танцующие пары. Мы еще только-только познавали азы танцевального искусства на уроках бальных танцев в Доме офицеров.

Танго, фокстроты, блюзы, румбы, вальс-бостон – все это было у нас еще впереди. А сейчас танцевали наши старшие товарищи, и танцевали так, как не умели этого делать наши сверстники в других школах. Это как магнитом притягивало девушек на наши вечера. Не последнюю роль здесь играла и особая, сдержанная манера поведения, умение общаться, галантность и вежливость в обращении, военная выправка – форма обязывала!

На наши вечера приходили также и выпускники военных училищ, находящиеся в отпуске, – молодые офицеры из строевых частей ВВС. Безупречная выправка и умение носить офицерскую форму с золоченым кортиком вызывали всеобщее восхищение. Но с какой грустью они смотрели на нас, беззаботно веселящихся юнцов. Потом, попав, как и они, в переполненные аэроклубовцами школы первоначального обучения летчиков, которые были разбросаны по закоулкам России, мы не раз вспоминали их снисходительное отношение к нам и фразу: «Спецуха – это авиационный рай на земле». А пока мы веселились и наслаждались нашей молодостью. На сцене чинно, как у Эдди Рознера, восседал доморощенный джаз-оркестр, на вершине которого выше всех сидел ударник – Володя Новоселов. «Спецы», насмотревшись только что прорвавшихся на наши экраны трофейных немецких

и американских фильмов, выделяли сногшибательные кренделя с ученицами женских школ, содержащимися в строгости, которой позавидовали бы настоятельницы монастырей. Но вот джаз объявляет перерыв, и «ратнику», запертому в кинобудке, дают сигнал – зал погружается в звуки танго из кинофильма «Серенада солнечной долины» в исполнении джаза Глена Миллера. Объявляется «белый» танец. «Спецы», как по команде, оставляют своих партнерш, дабы дать им свободу выбора, и собираются небольшими группами, чтобы поделиться впечатлениями. Но каждый с интересом следит за своей партнершей. Наиболее активные барышни тут же приглашают приглянувшихся им кавалеров, не поборовшие же свою скромность начинают усиленно демонстрировать независимость и болтать с подругами. Вот тут-то не зевай! У стен остались самые симпатичные и знающие себе цену девчонки, и многоопытные «спецы», не поддавшись на случайные приглашения, с гусарским поклоном и щелчком каблуков выбирают достойных. Весь остальной вечер они ни на шаг не отпускают их от себя.

Но что-то уж очень быстро стал гаснуть свет, а мы только-только созрели для приглашений. Объявляется последний танец. Кажется, мы не успели толком и осмотреться. Вот и конец бала. Школа пустеет. Мы с завистью наблюдаем, как наши старшие товарищи в гардеробе помогают одеться своим подругам и уходят их провожать. А мы, «ратники», так и не успев ни с кем познакомиться, идем приводить в порядок помещение. Утром, к началу занятий школа должна блеснуть.

Воспоминания, связанные с нашим первым балом, остались на всю жизнь. Учеба шла своим чередом. Вместе с Юрой мы записались в авиамодельный кружок и стали изучать основы аэродинамики. Из «ратников» нас было только двое, но приняли нас, как родных, – поделились инструментом, материалом, клеем, дали схемы моделей и помогли в их изготовлении. Работа закипела. В конце мая наш кружок должен был выступать на городских соревнованиях. Трудились мы в основном после уроков – тисочки, надфили, шпангоуты и нервюры всегда лежали в портфеле вместе с тетрадками и учебниками по алгебре и литературе. Но иногда скрип напильника раздавался и во время урока (чаще всего – английского). Преподавательница подозрительно посматривала в нашу сторону, но нам до поры до времени удавалось ее обманывать. Но однажды мы так увлеклись, что не заметили, как англичанка (партийная кличка, из-за ее грузного вида – Атомная бомба) тихо, как «Титаник» к айсбергу, подплыла к нашей парте. Не успев спрятать инструмент, мы покорно ждали столкновения. Но вопреки ее характеру, она молча указала на дверь, и мы, не дав ей раскрыть рот, пробкой вылетели из класса. Скрываясь от начальства, побродили по туалетам и к концу урока мы торчали уже возле класса. Около дверей на подставке с роликами стоял тяжелый авиационный двигатель. Мы переглянулись и поняли друг друга без слов. Нам потребовались буквально секунды, чтобы сдвинуть его с места и подпереть им дверь. Звенит звонок... Изнутри ломились добрых пять-семь минут, пока не подошли ребята из соседнего класса и вместе с нами не отодвинули двигатель.

Подходил к концу первый учебный год. В авиамодельном кружке все было готово к предстоящим вскоре соревнованиям. Однажды кто-то принес в кружок пневматическое ружье и подходящую по калибру дробь. И... как будто проснулся инстинкт будущих истребителей – мы вообразили себя в воздушном бою. Началась несусветная пальба по своим же моделям. Лучших мишеней нельзя было и придумать. Когда кончилась дробь, мы просто ахнули, увидев, что мы натворили. Специальная бумага, которой были оклеены наши модели, была изрешечена и висела клочьями. Нервюры, стрингеры и шпангоуты были перебиты и основательно повреждены. А до соревнований оставалось чуть более двух недель. То, над чем мы трудились почти год, надо было срочно восстанавливать... И мы это сделали.

Летние лагеря

Вот и закончился учебный год. Впереди нас ожидал летний лагерь – целых полтора месяца неизвестной нам вольной лагерной жизни. В десятых числах июня нас построили, пересчитали, проверили снаряжение и разместили по автобусам. После часа езды перед нами открылась чудесная панорама. Прямо впереди – невысокие, заросшие лесом холмы, слева – редкий лесок с кустарником, посреди – крупнейший пруд, противоположный берег был еле виден. По берегам пруда были разбросаны пионерские лагеря, в том числе суворовцев и наш. От зеркальной воды несло прохладой. Невдалеке виднелась плотина, две спортплощадки, какие-то спортивные сооружения, пляж с вышкой для прыжков. Въехали в лагерь. По обеим сторонам длинной, засыпанной чистым песком дорожки стояли в ряд большие зеленые палатки, за ними высокие ели. По номеру отыскивали свою палатку. Внутри пахло свежей еловой смолой. По бокам были устроены два ряда длинных деревянных нар, посредине стоял стол. Каждый получил постельное белье и мешок для матраца, который предстояло набить заранее приготовленным душистым сеном. Мы с Юркой и Володей нашли себе место в углу у окна, устроились и отправились на пляж искупаться. Но вот горн дневального оповестил о сборе. Нас построили, рассказали о распорядке дня.

Началась наша лагерная жизнь. Кроме предусмотренных распорядком дня занятий в лагере часто организовывались различные спортивные мероприятия – военизированные эстафеты, сдача норм ГТО, соревнования по плаванию и другим летним видам спорта. Конечно, любимым было плавание. За каких-нибудь полторы недели мы физически окрепли, брови и волосы выгорели, а тело почернело от загара. Вскоре, как нам показалось, начальство тоже охладело к занятиям, проводило их все реже и реже, а больше времени посвящало купанию и катанию на лодках. Недалеко от нашего лагеря находился лагерь суворовцев. В то время как мы, раскинувшись на песке, подставляли свои тела лучам солнца, они строем, с полной выкладкой (карабин, противогаз, скатка шинели, саперная лопатка, а иногда и каска), совершали форсированные марш-броски километров по пятнадцать-двадцать. С какой завистью они смотрели на нас! Однажды, чтобы жизнь не казалась малиной, и нам устроили такой марш-бросок, во время которого некоторые до кровавых мозолей стерли ноги и еле доковыляли обратно, а после этого еще неделю зализывали свои раны. «Авиация – не пехота, а дорогостоящая элита армии, которую надо беречь для точных, решительных и самоотверженных атак», – наивно полагали мы.

В лагере продолжал работу мотокружок. А так как Кот исправно следил за смазкой вверенного ему мотоцикла, то ходил в любимчиках у Иценко и всегда имел возможность покататься на нем. Он часто носился по лесным дорогам, посадив в коляску и на заднее сиденье всех, кто мог за что-нибудь зацепиться. Но однажды прямо на глазах командира роты он чуть не перевернул мотоцикл вместе с пассажирами, после чего был лишен всех своих прав и привилегий. Тогда Кот переключился на машину командира батальона. У Махно был старый трофейный «мерседес-бенц». Кот часто, по собственной инициативе, возился с ним, подтягивал болты, копался в моторе, менял масло. Постепенно войдя в доверие как опытный механик, он частенько получал ключ от зажигания у самого Махно. Но кататься одному на такой шикарной машине, без зрителей, было неинтересно. И, посадив однажды в четырехместный «бенц» полвзвода, словно пилот авторалли, надавил до упора на педаль газа и помчался по ухабистой дороге. Но на одном из крутых поворотов не вписался в него и вылетел в кювет, оторвав при этом выхлопную трубу. И все это произошло на глазах у появившегося неизвестно откуда самого Махно. Естественно, Кота к машине больше не допускали.

Вскоре в наш взвод прибыл для прохождения практики в должности помощника командира взвода сержант – будущий младший авиаспециалист. Среднего роста, худощавый, бело-

брысый, с глазами неопределенного цвета. И характер у него был прескверный. Получив над нами предоставленную ему воинским уставом власть, он стал использовать ее по своему понятию. Командир взвода лейтенант Степанов не желал ни в чем разбираться и во всем доверился своему новому помощнику. Наряды вне очереди сыпались один за другим. А это значило, что пришлось корчевать огромные пни, которые торчали по обе стороны центральной линейки лагеря. Мы обливались потом, орудия киркой и лопаткой, а наш сержант, покуривая свою вонючую самокрутку, еще и отпускал разные шуточки в наш адрес. Вскоре нашему терпению пришел конец, и мы решили напомнить ему, с кем он имеет дело. Напрягая воображение, мы долго придумывали способы мести... Придумали. После каждого отбоя, при шевелении сержанта на своей железной койке на него то внезапно падала подвинутая нами на самый край полки банка с цветами, то из открытого окна палатки влетал на кровать старый, найденный на помойке башмак.

Но выдержке сержанта надо было отдать должное. Он стойко переносил все тяготы и лишения воинской службы, и только все более жестоко наказывал нас – заставлял хоронить каждый найденный на территории окурки, отлавливал запоздавших к отбою и пристраивал их с киркой и лопатой к корчевке пней. Когда строем рота шла в столовую, а штрафники корчевали очередной пенек, рота вдруг дружно запевала: «Пусть за нас работает медведь. У него четыре лапы. Вот ему кирка, лопата – пусть работает, пока не околеет». Война продолжалась вплоть до нашего отъезда из лагеря. Характер – это такая данность: его можно сломать, но нельзя изменить. На следующий год к нам прислали на стажировку уже другого сержанта – видимо, усвоившего опыт предыдущего, а потому и покладистого. Эксперимент не прошел даром.

«Крещение»

Примерно к середине лета, когда в занятиях наступило относительное затишье, – мы занимались лишь плаваньем, совершали вечерние прогулки, пели под гитару, а в дождливые вечера сидели в палатках и резвились, колотя друг друга шинельными скатками, – в палатках «спецов» всюду шла подготовительная работа по организации традиционного ритуала «крещения "ратников"». Так называлось посвящение в «спецы». Наши командиры этому не препятствовали. Мы уже знали, в чем оно состояло. Не знали только, когда это произойдет – «спецы» держали все в глубокой тайне. И вот однажды в одно из воскресений, когда все «ратники» находились в лагере, нам объявили, что все мы должны выйти на пляж. Всегда готовы! Там нас уже поджидала вся «спецовская» братия. С криками, смехом и улюлюканьем они кинулись на нас, как туземцы племени Тумба-Юмба на пришельцев. Каждого «ратника», как есть – в брюках и гимнастерке, подхватывали за руки и за ноги и с нескрываемым чувством радости, как людоед, получивший свою добычу, затаскивали на пятиметровую вышку для прыжков в воду. Медленно раскачивали и бросали вниз на волю случая. Тех, кто начинал упираться, кидали с «выдержкой» – брали за ноги и опускали головой вниз. Подержав так секунд двадцать, до тех пор, пока «ратник» переставал трепыхаться, отпускали. А тех, кто продолжал дергаться, при раскачке и перед тем, как бросить с вышки, в последний момент придерживали за одну ногу. Бедный «ратник» терял центр тяжести, а затем беспорядочно кувыркался с пятиметровой высоты в пучину вод. Надо было видеть, как он, мокрый и бледный, с выпученными глазами выныривал из воды. Но уже через минуту на его лице появлялись уверенность и понимание того, что с этой минуты он тоже «спец». Очухавшись, он тут же помогал тащить на вышку упирающегося всеми силами однокашника и принимал активное участие в его «крещении». Конечно, приятного в этой процедуре было мало, но никто не роптал. Однако веселье было всеобщим – на берегу от такого зрелища покатывались от смеха даже те, кто только что вылез из воды. Прыгать с вышки я не умел и при сдаче норм

ГТО применял тактику «собачьей выдержки». Она заключалась в том, что, стоя на краю доски, перед прыжком нужно было поднять руки вверх, напрячь все мышцы тела и медленно валиться вниз. И если во время падения выдержка не подведет и ноги не согнешь, то вход в воду свечей обеспечен, а значит – зачет. И когда меня раскатали и бросили, я принял это положение и в воду вошел прямо, как палка, опомнившись только тогда, когда моя голова полностью ушла в ил. Еле выдернув ее, как водяной, весь в иле и водорослях, хорошо нахлебавшись, я появился на поверхности. А на меня уже летел кто-то следующий. Так состоялось наше «крещение». Отныне мы навсегда распрощались со званием «ратника» и стали полноправными «спецами». На следующий год нам самим предстояло крестить наших младших товарищей. Вскоре лагерный сезон подошел к концу, и нас отправили домой на каникулы.

После летних отпусков мы еще долго делились впечатлениями о времени, проведенном в лагере. В начале октября помимо занятий началась усиленная строевая подготовка и изучение строевого Устава – спецшкола готовились к участию в военном параде 7 ноября. В это время командующим Уральским военным округом был выдвинутый подальше от матушки-Москвы Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Со свойственной ему твердостью он наводил в своем округе жесткие порядки, вплоть до того, что заставил всех без исключения генералов сдавать зачеты по упражнениям на перекладине. Как говорят, офицерский состав выражал недовольство, но регулярно посещал спортивные занятия, ибо авторитет и крутой нрав этого маршала были известны не только в Союзе. Парад принимать будет лично он, а от этого зависела судьба многих. Итак, пыль на нашем плацу никогда не ложилась. Мы все лучше и лучше чувствовали строй и, как положено по Уставу строевой службы, наконец начали просматривать «грудь четвертого человека». Заместитель начальника спецшколы по строевой подготовке подполковник Махнин с высоты своего двухметрового роста внимательно следил за тем, чтобы роты в сто человек четко выполняли команды офицеров. Квадрат «десять на десять» должен был двигаться как один человек. Если смотреть на него по диагонали, все фуражки должны быть выстроены в прямую линию и не прыгать. Шеренга по десять должна осуществлять поворот направо или налево, не ломая прямой линии. А по команде: «Равнение направо!» все одновременно поворачивали головы и переходили на строевой шаг, прижимали руки по швам, но движение продолжалось по прямой. И, чтобы чувствовать движение рядом стоящих, «спецы», по старой традиции юнкеров, брались мизинцами рук друг за друга и на один уровень поднимали свои штиблеты. Малейшая ошибка – и процедура повторялась вновь и вновь. Если кто-то подумает, что муштра – удел «солдафона», то он ошибается. Чувство строя дается только тренировкой. Потом, в строю реактивных бомбардировщиков, идущих со скоростью 600 километров в час, приходилось с креном до тридцати градусов по команде ведущего выполнять разворот всем вместе. И, когда идешь «крыло в крыло», а рядом, вверху, висит огромная машина твоего товарища, способная из-за одного неточного движения пилота мгновенно обрушиться на тебя, а ты, устремив свой взгляд только на ведущего, не сможешь этого заметить, только тогда по-настоящему понимаешь значение строевой подготовки, даже на земле.

Так продолжалось изо дня в день, до самой генеральной репетиции парада войск на центральной площади города. Генеральная репетиция парада, чтобы не мешать городу, проводилась ночью. Открывали парад суворовцы и «спецы».

После первого прохода выдавалась оценка самим маршалом. С первого раза мы прошли даже лучше суворовцев, о чем сообщил нам сияющий Махно. На следующий день, чтобы выспаться перед парадом, нам дали выходной. Где уж там! Несмотря на первую бессонную ночь, в десять утра мы все собрались на «спецбульваре». Обменялись впечатлениями и решили двинуть в кино на «Лисы Аляски», где впервые увидели жизнь и работу американских летчиков на военной базе во льдах. Особо поразил нас их устроенный быт: бар, полный напитков, игра на трубе одного из героев и полное пренебрежение к опасностям в

полете. Тогда же впервые мы увидели, как пилот, прежде чем сесть в свой самолет, смотрел в какой-то листок – карту обязательных проверок – и пункт за пунктом проверял по ней готовность техники. Такие карты проверок в нашей авиации мы увидели только лет через десять – сотни операций проводились на память и «на глазок». Естественно, после длительной беготни по службам, обеспечивающим полет, что-нибудь да забывалось: заглушки в двигателях, на приемниках замера скоростного напора набегающего потока воздуха, дающих питание приборам скорости, струбцины на элеронах и плоскостях рулей. Все это приводило к вынужденным посадкам сразу после взлета, а иногда и к более серьезным последствиям. Однако я отвлекся, а «спецы» на площади уже слышат команду: «Парад, смирно! К торжественному маршу, по-ротно, дистанция одного линейного, первая рота прямо, остальные – направо! Шагом марш!» – Грянул сводный духовой оркестр – с соседних зданий посыпались дремлющие голуби. Я так усердно шлепал по закатанной булыжником площади, что у меня в самый неподходящий момент развязался шнурок на ботинке. Только чтоб не наступили – завязывать его уже было поздно. На параде мы снова прошли лучше всех, что и завершили очередным праздничным балом, и кое-кто из бывших «ратников» появился уже со своей подругой.

Последующее время обучения прошло как-то быстро и очень активно. Мы старались не отставать и от культурной жизни нашего города – доставали билеты на гастролы джаза Леонида Утесова, Эдди Рознера, Александра Вертинского и Вадима Козина, которого дальше Урала почему-то не пускали, – тех, чьи пластинки еще в гражданской школе мы затирали до дыр. Единственный концерт джаза Утесова состоялся в помещении Оперного театра. Цена билета по тем временам была фантастически высокая – пять рублей.

Не сумевшие достать билеты сорвали входную дверь, что было впервые в истории существования театра. В городе был Театр музкомедии, где великие актеры Маренич и Евдокимова, Дыбчо, Коринтелли, Сытник, Виноградова, Сотосова и другие показывали прекрасные образцы этого легкого музыкального жанра. Со своим другом Геннадием мы не пропускали ни одной премьеры – билеты на галерку стоили копейки. Особое влияние на нас оказали первые американские фильмы с замечательными голливудскими актерами. Речь за кадром шла на английском языке, а внизу экрана быстро шли титры на русском, которые мы иногда даже не успевали прочитать. Но смысл ухватывали сразу. Эти фильмы никогда не шли в центральных кинотеатрах, а только в Домах культуры имени Горького и железнодорожников. Короткое название и внизу приписка: «Взят в качестве трофея». Фильмы «Долина гнева», «Судьба солдата в Америке», «Роз-Мари», «Сети шпионажа», «Мост Ватерлоо», «В джазе только девушки», «У стен Малопаги» и многие другие мы смотрели по несколько раз. Мы старались подражать поступкам этих героев, всегда доводивших любое дело до конца, учились джентльменскому отношению к женщине, постигали науку не терять чувства собственного достоинства в любых ситуациях, за что впоследствии и были неоднократно биты. Слабый ветер свободы «шестидесятников», доносившийся из Москвы, долетал и до нас: появились стихи Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, песни Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого.

Почему-то в нашей «спецовской» среде особенно прижился фильм «Подвиг разведчика» с Кадочниковым и Мартинсоном в главных ролях. Реплики их мы знали наизусть. На любой вопрос был ответ: «Вы болван, Штюбинг, завтра ваша щетина по мановению волшебной палочки превратится в золото» или: «Там, где стоит солдат райха, он стоит твердо!». Мы и внешне старались подражать героям этого фильма. Мы были дети войны, и для нас разведчики были героями нашего времени.

Не теряли связи и со своими старыми друзьями из гражданских школ, регулярно посещали их вечеринки, устраиваемые на дому, где вместе слушали старые пластинки Шульженко, Сокольского и Лещенко, джазы Утесова и Варламова. У меня был и останется до

конца дней моих самый верный и преданный друг – Геннадий Бокарев. Еще в гражданской школе мы нашли общий язык и между нами быстро установились теплые дружеские отношения, которые, несмотря на расстояния, мы бережем до сего дня. Он всегда отличался искренней доброжелательностью к людям, особым стремлением к знаниям. Тренируя свою память, он запоминал все, что читал и видел, обладал образным мышлением, знал имена всех актеров тех заграничных фильмов, которые нам удалось посмотреть, хорошо играл на гитаре и пел. Отслужив в армии и постреляв в Венгрии, он окончил ВГИК. Когда в журнале «Юность» была напечатана первая повесть Геннадия «Мы», наша компания узнала в его героях себя.

Позже он стал главным редактором Свердловской телестудии, а затем киностудии... Я благодарен судьбе за его дружбу, за бесконечные беседы по вечерам после школы, когда мы никак не могли расстаться, хотя и жили далеко друг от друга. Это было время воспитания и испытания чувств, желания понять самих себя, окружающую нас жизнь и свое место в ней. Мы подолгу засиживались у его соседа Сереги, жившего вместе со своей старенькой мамой в подвале деревянного дома в его дворе. У Сереги был старый, окованный жестью сундук, доверху набитый пластинками и самопально изготовленными на рентгеновских снимках музыкальными новинками, ради которых он, казалось, и жил. По воскресеньям он торчал на «толкучке» – городском базаре, чтобы приобрести что-нибудь новое из записей. Он доставал свои драгоценности из выдавшего виды сундука в строго определенной последовательности, которую знал только он, и осторожно ставил пластинки на старенький проигрыватель. Мы млели от этих мелодий, и мир казался нам полным надежд. В последующем, много лет спустя, чтобы вписаться в мирную жизнь после жесточайшего авиационного бытия, при первой возможности мы навещали дом этого меломана, который, не найдя родственную душу, так и остался холостяком. С ним мы еще раз прослушивали эти дорогие для нас мелодии юности. Где ты, наш незабвенный друг Серега, теперь, где твои прекрасные пластинки, кто сейчас слушает их вместе с тобой?

И все, что мы впитали тогда, ушло с нами в кустанайские, кировабадские, орские и другие летные школы и военные училища и помогло выжить в нелегких испытаниях за этот роман с авиацией, ради которой мы оставили все, что было до нее. Мы интуитивно сознавали, что в будущем, как лунные стада, разбросанные по углам и весям необъятной России, уже никогда не соберемся вместе. Спецшкола, спасибо тебе за все! Спасибо тебе, Юрий Лапкин, за то, что ты помог мне воссоздать картину нашей жизни в спецшколе ВВС.

Часть вторая Курсанты

Последнее «прости»

На следующий вечер изрядно недоспавших после выпускного вечера «спецов» выстроили на перроне свердловского вокзала для последней проверки и отправки в Военно-авиационную школу первоначального обучения летчиков, расположенную в Кустанае. Поезд отправлялся через час. Сопровождающий офицер, в подчинение которого мы поступили с этого момента, дал нам несколько минут для последнего прощания с родителями, подругами, друзьями, с прошлой жизнью, для многих – навсегда...

А теперь за мной, мои юные друзья! Вперед, туда, где на скользких палубах кораблей в штормах и бурях стоят на вахте ваши друзья и воспаленными глазами флибустьеров ищут новые земли, туда, где за право считаться человеком, борются «Два капитана», туда, где в свете молний они режут воздух в кабинах реактивных самолетов.

Скоро, совсем скоро мы начнем летать. Мы верили в это. И совсем не думали о том, какие испытания ждут нас впереди. Тогда мы еще не знали, что только одному из десяти повезет прочертить в небе свою трассу.

На следующий день поезд прибыл в Кустанай. «Степь да степь кругом» и палящее казахстанское солнце. Сорок минут езды в битком набитых зеленых армейских автобусах по пыльной, растрескавшейся, как панцирь черепахи, дороге, вдоль которой с вытянутыми шеями семьями стояли любопытные суслики, и мы въехали за колючую проволоку нашего почти двухгодичного добровольного заточения. Нас не смутил вид старых, кое-как отремонтированных, выкрашенных защитной зеленой краской длинных деревянных бараков, в которых нам предстояло жить и учиться. У одного из них, сверкая воронеными стволами пулеметов, стоял учебный истребитель Як-11, который нам предстояло освоить после полетов на спортивном самолете Як-18. Мы тут же облепили его, как муравьи гусеницу, кто-то даже пытался залезть в кабину, но она предусмотрительно оказалась запертой. В воздухе раздался оглушительный грохот – с учебных полетов на этих самолетах возвращалось очередное звено курсантов. Нас распирало от гордости – скоро и мы будем такими!

Бараки, куда нас разместили, были разбиты на небольшие кубрики, где стояли двухъярусные железные кровати и тумбочки, по одной на двоих. Закончив нехитрое обустройство, мы высыпали во двор. День клонился к вечеру. Посреди двора в форме «каре» прямо в землю были вколочены скамейки, на которых сидели вернувшиеся с полетов курсанты-старожилы. Оттуда раздавался звон гитары. Первое, что бросилось в глаза, был их бравый вид. Опаленные солнцем, почти черные лица с выгоревшими бровями и красные от послеполетного напряжения глаза. Выцветшие от постоянных стирок в бензине, почти белые гимнастерки, пыльные сапоги. Однако во взгляде, в движениях чувствовалась уверенность и собранность, как будто они на своих Як-11 только что вернулись из боя. И пели они какие-то свои, незнакомые нам песни: «Моль, моль – ядовитая букашка. Моль, моль – безобразная канашка. Моль, моль – такой маленький зверек. Где не сядет – всюду тянет, везде берет, поет!» – хором подпевали они. Окружив их тесной толпой, стараясь не пропустить ни слова, мы молча прислушивались к незнакомым словечкам и шуткам, которые они отпускали. Мы поняли, что прежде, чем мы станем такими, нам еще долго придется быть их учениками.

На следующий день была баня. Отвезли нас на автобусах снова в город. Отпарившись и отмывшись с дороги, мы выстроились в очередь к пивному ларьку в надежде добыть кружку освежающего напитка. Стояла тридцатиградусная жара. Пересохшими глотками мы орали

на «чужаков», прибывших вместе с нами из других спецшкол и аэроклубов, пытавшихся пролезть вне очереди. Наконец, получив свою кружку с какой-то мутноватой жидкостью, постепенно успокоились и начали осматриваться по сторонам. Переодетые в безразмерные гимнастерки, галифе и кирзовые сапоги, мы снова стали похожи на новобранцев. Старая форма, погруженная на грузовик, отправилась на сжигание. Вместе с ней синим пламенем сгорела наша беспечная юность.

Кустанай, сплошь утыканный деревянными домами, заселенный ссыльными поселенцами, представлял после Свердловска унылое зрелище. На его окраинах, у станции, стояли на рельсах старые ветхие вагоны, в которых жили, как сельди в бочке, первые покорители целины – те «активные комсомольцы», которые приняли «хрущевскую оттепель» за чистую монету. Выстроившись в затылок своим начальникам, они слишком рьяно взялись за исполнение партийных директив. Тут-то, чтобы избавиться от их быстро растущей инициативы, придумали целину, БАМ, что-то еще – и ребята с песнями поехали в дальние края. Собрав в кустанайских степях несколько эшелонов зерна, которое потом прело и приводило в негодность десятки вагонов, стоящих без разгрузки в тупике перед элеватором, целинники готовились в отпуска. В следующие недели по распоряжению местных властей именно мы, вновь прибывшие, чтобы окончательно не вывести из строя деревянные вагоны, стоя по колено в раскаленном зерне, выкидывали его совковыми лопатами прямо на шпалы. Рабочий персонал элеватора состоял из десятка давно спившихся теток. По их собственным словам, тяжелее стакана они уже не могли ничего поднять.

Первый год обучения – теория. Но до начала занятий еще далеко. На следующее утро, еще толком не проснувшись, мы слышали громовой голос нашего нового старшины: «Подъем, маменькины сыночки! Шевелись! Вы будете вскакивать у меня и одеваться ровно за минуту! Опоздавших – сгною на кухне!» – На первый раз за минуту не получилось. Поступила команда снова раздеться и лечь в кровать. Только после пяти подъемов мы через минуту стояли в две шеренги в проходе казармы и слушали переключку. Повторных команд не было. Все, кто не успел встать в строй, уже топтались отдельно и ждали объявления наряда. Остальных – на улицу, умываться. Через пять минут рота стояла на плацу перед бараком. Старшина обходил строй спереди, затем сзади и, заметив у кого-либо плохо начищенные каблуки сапог, командовал: «Шаг вперед!» – Таких нерадивых оказалось человек десять. Все получили по очередному наряду вне очереди. И если настанут трудные времена, мы сможем дать сто очков любому уличному чистильщику обуви. Остальные по команде строем двинулись на завтрак. «Запевай!» – прогремел старшина. Спросонья петь не хотелось – хотелось есть. Подошли к столовой, но команды «Рота, стой!» не последовало. Пришлось делать второй круг, пока кто-то не заскулил привычный мотив: «Там, где пехота не пройдет, где бронепоезд не промчится...» Остальные нехотя подпевали. А старики перед столовой по предварительной команде старшины: «Рота!» – и прежде, чем он собирался выкрикнуть «Стой!» – дружно отвечала: «Чего?» – «Прямо!» – орал уже надоевший им старшина, и рота делала еще один круг. Эти ребята уже не признавали «чистой солдафонщины». А мы с горем пополам, поднимая клубы пыли, дошлепали до столовой. Быстро, без толчеи расселись на лавки за длинные деревянные столы, похватили наши алюминиевые миски с уже остывшей перловой кашей – «шрапнелью». Чаю не полагалось – до начала учебы мы сидели на довольствии «курса молодого бойца». Вечно голодные желудки требовали добавки. Но и она быстро расходилась по многочисленным едокам. Тогда Володя Кусков быстро придумал способ наполнения животов. Каждый из нашей компании поочередно выбегал к раздаточной «амбразуре» и в виде добавки захватывал несколько кусков свежего хлеба. В таком режиме нужно было выдержать больше месяца. Приходившие кое-кому от заботливых родичей посылки с едой тут же опустошались теми, кому посчастливилось оказаться рядом. Последние, чудом уцелевшие деньги были в складчину проедены в

местном военторге. Однако строгий режим распорядка дня даже при таком скудном довольствии через пару месяцев сделал наши физиономии круглыми. Сегодня я с удовольствием смотрю на свою фотографию с курсантского удостоверения тех лет. После ужина и вечерней проверки, сложив перед сном обмундирование, мы, как матросы по реям, взбирались на свои двухъярусные койки, и через пять минут в казарме раздавался могучий храп. Но не тут-то было. Обойдя прикроватные тумбочки и заметив непорядок в укладке гимнастерок, старшина командовал: «Подъем! Выстроиться у своих тумбочек!.. Почему носки сапог в разные стороны? – проходя мимо очередной койки, спрашивал он. – Как фамилия?» Все переключивалось снова. Но на этом процедура не заканчивалась. «Отбой!» – гремел старшина. Обойдя еще раз казарму, старшина снова кричал: «Подъем!»... Рота проходила курс молодого бойца. Доведенные бестолковостью аэроклубовцев, никак не хотевших понять толк этой процедуры, привыкшие к порядку «спецы» подначивали простодушных деревенских парней. Спасением от срывов был юмор, даже черный.

До наступления учебы нас использовали как неквалифицированную рабочую силу. Из основного строительного материала этих мест – навоза, сена и глины – мы целыми днями лепили большие кирпичи – «саманы», а потом строили из них всякие «временки» для различных вспомогательных служб и караульных помещений. К слову сказать, в них было теплее, чем в наших учебных бараках. В порядке шефской помощи ездили на поля к казахам, убирая и складывая в кучи мелкие водянистые помидоры, которые ими тут же разворачивались по своим телегам. Взводу, который направлялся на полевые работы, обед выдавался «сухим» пайком: консервированная свиная тушенка, хлеб, вода, сахар и чай. Раздобыв у бригадира казахов здоровенный казан, мы сами готовили себе харч. Но не вдруг – сначала надо было найти топливо для костра, отмыть и отскоблить котел. Глядя на наши старания, на то, как ребята старательно отдраивают этот котел, бригадир-казах никак не мог взять в толк, зачем это делается. Плесни в котел воды, поставь на костер и обед готов. Уже давно разгорелся костер из набранных сучков саксаула и засохших лепешек скотины. Но вот, наконец, работа закончена, но и время, отведенное на обед, – тоже. Бригадир, покуривая в стороне, поглядывает на часы. Но «солдат без харча – не солдат», и мы не спеша заливаем котел водой, медленно вываливаем туда тушенку и кучу честно заработанных помидоров, достаем папиросы «Беломор» и начинаем ждать. Через полчаса «непотребный» запах свинины приподнял из зарослей травы головы расположившихся неподалеку на обед мусульман. Достав свои ложки, мы чинно приступаем к трапезе. Наелись досыта, но в котле еще осталась ровно половина. Предлагать казахам – сочтут за оскорбление. Вылить – не поднималась рука. Перекурив, мы снова принимаемся за ложки. Доели все и в полном блаженстве развалились у догорающего костра и задремали. Бригадир, понимая, что на сегодня мы уже не работники, молча сел на свою скрипучую телегу и укатил. А нас разбудил гудок приехавшей за нами машины. Но положенный ужин в столовой тоже был съеден без остатка.

Иногда нас поодиночке вызывали на какую-то «мандатную» комиссию. Низенький, ничем не приметный, с серьезным выражением лица капитан, медленно листая наши дела, допытывался, что делал каждый из нас до спецшколы, чем занимались родители, бабушки и дедушки до революции, спрашивал, какого мы происхождения. Я вспомнил, что во время войны в восемь лет штамповал военные пуговицы, стирал с матерью запекшиеся кровью, изрешеченные пулями армейские телогрейки, таскал ведрами воду с другого конца квартала. В школу ходить было не в чем. После того, как в пустой центральный универмаг завезли с брезентовым верхом и на толстой деревянной подошве ботинки для сталеваров, можно было появляться на улице. Но морозы в тот год были крепкие... А какого я был происхождения – не знал. Много позже об этом поведала мне мать. Мой дед по отцу – Тихон, имевший высокий духовный сан и служивший еще при царе в российском посольстве в Турции, узнав, какие испытания на выживаемость достались его внуку, затосковал бы на том свете. О нем

положительно отозвался в своей книге «Красные орлы» главный политработник Советской Армии Голиков (инициалы не помню). Другой дед по материнской линии – Степан, которого мне довелось застать, был техноруком крупной фабрики. Далекий от политики, он успешно работал на той же должности по приглашению советской власти как высококвалифицированный специалист. Словом, рабочим происхождением я похвастаться не мог.

После таких бесед количество наших «салаг», особенно прибывших с аэроклубов, заметно поубавилось. Этот капитан потом всегда сидел в своем маленьком кубрике, как раз у крыльца нашего барака, где мы собирались покурить. Сквозь слегка отодвинутую занавеску было видно, что он, трудяга, все пишет и пишет. В общем, мужик был хороший – никогда не делал нам замечаний, даже если мы, увлекшись спором, сильно орали и сквернословили. После этой строгой проверки за все время работы в авиации меня никогда и никуда не вызывали.

Осенью, когда после отбоя мы наконец засыпали, а старшина и дежурный офицер отбывали домой в город, нас будила пулеметная очередь. Это «старики», прибывшие из караула, без предупреждения разряжали нервы и обойму из автомата по укрепленному для этой цели в конце коридора старому тюфяку. И прежде чем высунуться из своего кубрика «до ветру», нужно было оглянуться по сторонам.

Вскоре, как солдаты в окопах, мы уже привыкли спать под грохот стрельбы и видели сны о прошлой и такой далекой жизни. Нам снилась спецшкола, сытная еда, а иногда и наши оставленные на произвол судьбы подруги.

В октябре наряду со строевой подготовкой и караулами наконец начались занятия. Нас знакомили с основами аэродинамики, навигации, двигателями, радиооборудованием, историей военного искусства, общевойсковой тактикой и еще со многими другими военными дисциплинами. Больше всех нам нравился преподаватель по истории военного искусства. Окончивший две академии и много повидавший на своем веку, он был человеком высокообразованным, воспитанным на лучших армейских традициях русского офицера. Рассказывал ярко и красочно о великих полководцах всех времен и народов – от Александра Македонского и до наших дней, их характерах, пристрастиях, подробно анализировал ход военных операций, которыми они командовали, решения, которые они принимали. Вспоминал службу с Маршалами Советского Союза Рокоссовским, Баграмяном и другими известными военачальниками. «Мы должны постигать прежде свое Начало, чтобы понять часть своего Конца», – любил говорить он. Но тогда мы еще не были знакомы с Новым Заветом и не понимали глубокого смысла этого изречения.

Радиоэлектронные средства читал элегантный майор с французской фамилией Лаурье. Мы исправно записывали его лекции в толстые проштампованные и пронумерованные тетради, которые после урока сразу же сдавались в особое секретное хранилище. Иногда посреди своей лекции он вдруг замолкал, подходил к окну и, глядя куда-то вдаль, вдруг, без всякого перехода, начинал вспоминать о годах учебы в Академии в Москве, которую многие из нас, кроме как в кино, и не видели никогда. Он понимал, что слушать об устройстве радиолокатора нам уже изрядно надоело, и своеобразно разряжал обстановку. «Армия, дорогие коллеги, – задумчиво глядя в окно, говорил он, – это объединение мужчин для завоевания женщин. Поэтому армия – антипод семьи, выход из-под контроля женщин. А служба женщин в армии – это попытка контроля деятельности мужчин. Верх – холостяк, гусар до двадцати восьми лет, низ – казарма. Служба в авиации кроме романтики позволяет уйти от повседневного, тотального контроля всех и вся. Думайте, думайте и учитесь летать, чтобы не застрять в казарме до пенсии, ибо плата за невежество – бедность. – И тут же, без всякого перехода: «Сейчас бы пивка холодненького». – Сразу видно, майор был гусаром с философским складом ума, но не летчик. О пенсии думать не хотелось – хотелось летать. «Учение без размышления вредно, а размышление без учения – опасно», – писал Конфуций.

После короткого дневного сна – снова в классы, на самоподготовку. Чтобы запомнить сотни тактико-технических данных иностранного вооружения – скорости разных типов самолетов, лобовую и боковую толщину брони танков, кораблей, средства вооружения предполагаемого противника – пришлось применить давно известный прием. Взяв мел, я писал это по конспекту на всю классную доску, стирал и по памяти восстанавливал написанное до тех пор, пока данные не совпадали. Прием помог. Когда, стоя у стола преподавателя, я докладывал, что ответ закончен, и прежде, чем поставить оценку, он обычно задавал вопрос «на засыпку»: «Тактико-технические данные американского танка "Шерман"», – я барабанил данными до тех пор, пока изумленный преподаватель, заглянув в свои шпаргалки и удивившись, что я не вру, прекращал мою трель. «Все так знают?» – обращался он к остальным курсантам, опустившим глаза в конспекты, чтобы не попасться на глаза. – «Все!» – дружно орали курсанты. К следующему уроку мы готовили уже другого.

Преподаватель по двигателям, тоже майор, имел большой опыт по обучению таких балбесов, как мы. Понимая, что любая техника рано или поздно может развалиться, притом в самый неподходящий момент – в воздухе, он требовал от нас назубок знать все масляные каналы на разрезанной железке поршневого двигателя, словно из нас готовили конструкторов. – «Знайте, что современный реактивный двигатель состоит из двадцати тысяч деталей. А пока осваивайте поршневой. Работу и назначение всех деталей вы все равно не запомните, но основные системы вы должны знать, даже если вас разбудят ночью. Вот как масло поступает к коленвалу», – говорил он и, к нашему удивлению, закуривал папиросу, вдвухал ее дым в одно из многочисленных отверстий. Ждал, когда дым проберется по каналам, и очень удивлялся, когда он выходил совсем в другом месте. Нам хронически не хватало времени для освоения такого объема информации, и он поделился с нами своим опытом – заниматься при свете карманного фонарика под одеялом после отбоя. Другого времени, после всевозможных строек и нарядов, просто не было. Мы ухватились за его совет, как утопающий за соломинку. Под одеялом было темно и душно, глаза слипались от хронического недосыпания, да еще тут как тут появлялся старшина: «Во! Еще один любознательный! Не устал?» – приподнимая край одеяла, интересовался он. За нарушения режима сна курсант тут же получал ведро, тряпку и пристраивался к мытью огромной казармы.

Больше всего нас донимала практическая подготовка по химической защите от отравляющих веществ. Преподаватель с мученическим выражением лица, словно в жизни ему пришлось перенюхать весь набор отравляющих средств, занудно читал лекции. А потом началась практика. С полной выкладкой (со скаткой шинели, винтовкой на плече) и натянутыми на голову противогазами под руководством преподавателя мы совершали маршброски, к которым, в отличие от суворовцев, были абсолютно не подготовлены. Мокрые от пота, совершенно ничего не видящие из-за запотевших стекол противогазов, которые не успевали протирать, мы часто спотыкались и падали. И если кто-то падал и, сдвинув с подбородка противогаз, пытался отсосать хоть немного свежего воздуха, хромовые сапоги майора уже были рядом: «Все! Сейчас будет синюха и ты сдох!» («синюха» – это синий цвет лица после отравления газом). Мы так его и прозвали – «синюха». После таких забегов по пыли в несносную жару мы еле волочили ноги в столовую, а потом стояли у питьевого бачка, в который дневальные не успевали заливать воду. А пить хотелось всегда, и у бачка постоянно была очередь. Алюминиевая кружка, прикованная к тумбочке железной цепью, переходила из рук в руки. Другой бачок наряд дневальных из трех человек на старой раздолбанной тележке катил по пыльной дороге к колодцу, что находился метров за триста от казармы. Однажды, будучи в наряде, мы опустили ведро в колодец и услышали глухой грохот – старая веревка лопнула, и ведро оказалось на дне колодца. Переглянувшись, мы решили опустить за ним самого легкого из нас. Взгляд остановился на Яше, моем однокашнике по свердловской спецшколе. Медленно раскручивался уцелевший остаток веревки – Яша уже прибли-

жался к цели. Вдруг раздался мощный шлепок и тут же истошный крик вырвался из шахты колодца и потряс окрестности: веревка снова оборвалась – Яшка оказался в холодной воде на дне колодца. Стали соображать, как его вызволить? Решили отправить одного курсанта в расположение части за веревкой. Прошло не менее получаса, Яшка от холода уже перестал кричать и только тихонько скулил. Когда притащили веревку, мы с трудом достали его, поси-невшего, но неведимого. Когда мы вернулись, рота уже кипела от жажды и негодования. Вытолкнули вперед насквозь промокшего и в рыжей глине Яшу – всеобщий гнев сменился общим хохотом. (Но Яше было не суждено летать. Через некоторое время, находясь в наряде по доставке на старт второго завтрака, он был насмерть задавлен перевернувшейся вместе с ним машиной. Это была наша первая потеря.)

Робинзон Крузо вел счет времени на своем необитаемом острове, кажется, по зарубкам на дереве, курсанты – съеденными метрами селедки и километрами перемытых полов двух-этажной кирпичной казармы, куда нас переселили к холодам. Короткая осень. Пронизывающий ветер с мелким морозящим дождем. В кирпичной казарме тепло. Пока не замерзла земля, каждый день нас продолжают гонять на рытье тира для стрельб. Зарыв в песок, чтобы не вымокли, гимнастерки и шинели, мы быстро орудуем лопатами. Перчатки еще не выдали, и пальцы рук распухают от холода и работы. От интенсивных осенних работ к зиме наши сапоги расползались до срока. После окончания любой лекции на международную тему и заключительной фразы: «Какие будут вопросы?» – мы дружно спрашивали: «Когда будут выдавать новые сапоги?», чем приводили в ярость организаторов лекций.

Так наступила зима с сильными метелями и нулевой видимостью. Общий туалет на улице в тридцати метрах от казармы, куда в такую погоду отлучались только предупредив дневального. Пурга. По дороге потерял ориентировку – крик не услышат. Стой на месте, пока за тобой не пришлют цепь товарищей (если вспомнит дневальный). Учебные бараки, наспех построенные нашими предшественниками из тонких досок, пересыпанных опилками, не выдерживали жестоких казахских ветров и морозов. На занятиях сидим в шинелях и завязанных солдатских шапках, пытаюсь научиться писать в шерстяных рукавицах. Кое-кто даже научился спать на занятиях с открытыми глазами, а в караулах на посту – стоя. При подходе к такому «бдилу» разводящий, не услышав положенной команды: «Стой! Кто идет?» – вплотную подходил к укутанному в длинный овечий тулуп караульному, оперше-муся на винтовку. И стоило до него только дотронуться, как тот со сна, как куль, падал в снег. Сменив часового, этот куль вели в натопленную караулку, кормили, и он продолжал отсыпаться в каком-нибудь теплом углу до следующей смены. Стояли на посту по четыре часа, а не как положено, – по два. Все свои, и никто никого не закладывал. Да и на обдува-емом всеми ветрами среди бескрайних казахских степей учебном аэродроме американские шпионы за все время учебы так и не появились.

В шесть утра в любую погоду нас выгоняли во двор на пробежку отрабатывать выно-сливость. По дороге наиболее шустрые, отделившись от остальных, по пути забегали в кочегарку, согреть там на несколько минут свои продрогшие кости, перекурить и также незаметно примкнуть к колонне на обратном пути. Но и эта выдумка тоже кончалась вне-очередными нарядами.

Но вот наступила долгожданная передышка – всем нам сделали прививки какой-то новейшей вакцины. Вскоре наши спины стали похожи на подушки, на которых невозможно было лежать, кое у кого поднялась температура. Зарядки на время прекратились. Но зато еще до завтрака нас строем вели в учебный барак, чтобы тренироваться на прослушивание морзянки. Сдав свою норму – шестьдесят знаков в минуту на слух, мы топали в столовую и, несмотря на плохое самочувствие, сметали все, что было на столах – наше болезненное состояние никак не отражалось на нашем аппетите. Это было вечно голодное, никогда не

высыпающееся, но знавшее, чего добивается, авиационное братство... Так, в учебе, караулах и без увольнительных мы пережили первую кустанайскую зиму.

«Суслики» проснулись

Наконец, по плану вышестоящего начальства наступила долгожданная весна. Из своих нор вылезли любопытные суслики и целыми семьями, стоя у своих зимних квартир, наблюдали за нашими приготовлениями к полетам. И вот после бесконечных предварительных подготовок, в один из ясных и безоблачных дней нас вывезли на аэродром для парашютных прыжков. Каждый курсант накануне самостоятельно уложил в ранцы свой основной и запасной парашют – таков неписанный закон авиации.

На летном поле, работая на малом газе, стоял Ли-2, выполненный в десантном варианте. Надев парашюты, первая группа ожидала команды для посадки в самолет. Последний осмотр инструктора. И вдруг трехэтажный мат около курсанта – «спеца» из Еревана Жоры. Все повернулись в его сторону. Резиновые растяжки, которые раскроют ранец парашюта в воздухе, когда будет выдернуто кольцо с тросом его раскрытия, были застегнуты наоборот. Даже такой силач, как Жора, не смог бы их срезать даже при помощи кривого аварийного ножа, который прикреплялся на левом пристяжном ремне парашюта. Этот жизнерадостный парень, сообразив, что он сотворил с собой, стоял белый, как мел. И когда инструктор, взяв его за шиворот, протащил через весь строй и продемонстрировал каждому, как можно ошибиться, все вдруг стали смеяться и подшучивать над Жорой. Предпрыжковый мандраж прошел сам собой. Смеясь и подталкивая друг друга, мы расселись на железные десантные сидения самолета и сразу стали похожи на диверсантов, которые готовились для заброски в тыл врага. Несколько минут для взлета, набора высоты в полторы тысячи метров в обстановке общего возбуждения пролетели незаметно. Находясь впервые в воздухе, мы уже ощущали себя летчиками и, несмотря на предстоящее ответственное испытание, пытались острить. По мере приближения к точке сброса смех прекратился. Взгляды всех были прикованы к сигнальной лампочке начала сброса. Противно загудела сирена готовности, и замигала красная лампочка. Отрывисто прозвучала команда пристегнуть карабины принудительного открытия парашютов к протянутому вдоль фюзеляжа стальному тросу. Инструктор, повернув стопорные замки, открыл люк. Самолет наполнился грохотом двигателей и гарью выхлопных газов. Ноги сразу отяжелели, во рту пересохло. «Пошел!» – прозвучала команда. Схватив первого, стоящего у двери, за рукав и толкнув в люк пинком в зад, – инструктор знал свое дело, – схватил второго, которым оказался я. Мельком взглянув вниз, я увидел, как вплотную под стабилизатор уходили ноги предыдущего. В голове мелькнуло: «Как бы не зацепиться», – а такие случаи были, но «сдержал удар» и, отстранив «руку помощи», сам бросился вниз. Перевернувшись в воздухе несколько раз, я с облегчением услышал долгожданный хлопок раскрытия и тут же почувствовал сильнейший рывок, словно из меня хотели вытряхнуть все внутренности. Машинально взглянул вверх – надо мной в полном великолепии висел огромный белый шелковый купол. Теперь можно подумать и о комфорте. Попеременно поправил врезавшиеся в тело лямки, огляделся вокруг. Среди безоблачного неба, криками приветствуя друг друга, уже висели мои товарищи. После пережитого стресса это были ни с чем не сравнимые ощущения, кто-то даже громко пел. Однако по мере приближения к земле и ощущения скорости снижения пение смолкло. Надо было позаботиться о том, чтобы приземлиться по ходу движения на обе ноги, а не спиной вперед. Определив, в какую сторону меня сносит, работая стропами, я разворачивал купол. При ударе о землю я даже не упал, а семена ногами и подтягивая под себя нижние стропы, начал быстро гасить купол. Рядом, как куль, шлепнулся Жора, и конечно, на одну ногу. «Надо же, именно мне, и так больно», – тут же сострил он. Потом с загипсованной ногой и на костылях, освобож-

денный от нарядов, как всегда с улыбкой до ушей, он ковылял по дорожкам училища, делая замечания курсантам, подметавшим опавшие листья. Многие ему страшно завидовали.

Первые «перышки»

Эпидемиологическая обстановка в школе не способствовала полетам. Антисанитарные условия в столовой привели к многочисленным кишечным расстройствам. Многие крепкие парни практически были выведены из строя, а тех, кто обращался в санчасть, тут же изолировали от остальных до полного излечения. Мы понимали, что, загремев в «пулеметный взвод», ни о каких полетах в этом году не могло быть и речи – летная подготовка была расписана по часам. С тех пор на всю оставшуюся жизнь мы зарубили себе на носу: хочешь летать – никогда не жалуйся врачам. Они помогут, но списан на гражданку ты будешь быстрее, ибо каждая болячка будет навечно зафиксирована в твоей медицинской книжке. Почувствовав первые признаки недомогания, мы с Юркой стали вспоминать все возможные профилактические средства и остановились на марганцовке. Главное – попасть на полеты. Наспех, не до конца размешав изрядную дозу кристаллов в стакане воды, я залпом опрокинул все это в топку. Помогло – бурление в желудке временно утихло, и я побежал в автобус, следовавший на аэродром. Первым в кабину новенького, пахнувшего, как оловянный солдатик из детства, ароматной эмалевой краской и бензином «яка», посадили меня. Во второй кабине лениво устроился инструктор. Щелкнув привязными ремнями и повернув тумблер переговорного устройства на внутрикабинную связь, я доложил о готовности к полету. С запуском двигателя все было нормально. Еще не привыкший к вою запущенного двигателя, на фоне постоянных переговоров полка с командной вышкой, я никак не мог распознать голос своего инструктора. Не дождавшись моей реакции, он из задней кабины треснул по моему шлемофону своим увесистым летным планшетом. И только тогда я услышал его голос: «Закрой фонарь!» – Далее следовал непередаваемый набор слов. Запросив и получив разрешение у руководителя полетов на выруливание к предварительному старту, я почувствовал, как рукоятка управления двигателем вместе с моей левой рукой пошла вперед, резко заработали педали управления рулем направления, задергалась гашетка тормозов на ручке управления. Самолет медленно стал двигаться вперед.

Первый полет по кругу был ознакомительным. В следующем инструктор должен был выйти в зону и показать комплекс высшего пилотажа, которым нам предстояло овладеть. На исполнительном старте, получив разрешение на взлет, двигатель был выведен на полные обороты, и я уже ничего не слышал. Разбег, отрыв, набор проскочили как одно целое. Ощущалась только скорость, с которой земля уходила назад. Полет по кругу, посадка и тут же взлет с набором полторы тысячи метров и выход в зону пилотажа над огромным болотом. Доклад на землю: «Приступил к работе!» – «Делай, как я», – раздалось в шлемофоне. Взревел выведенный на полные обороты двигатель, и ручка управления пошла «от себя». Самолет пошел в «пике». Стрелка прибора скорости быстро пошла по часовой стрелке. Инструктор плавно потянул ручку управления рулями «на себя». Самолет свечой пошел вверх. Я взглянул на приборы и не поверил своим глазам – они стали похожи на эллипс. Созданная перегрузка сдавила глазные яблоки не тренированные на этот случай глаза давали сбой. В верхней точке «петли» инструктор убрал газ до холостых оборотов. Я повис на ремнях вниз головой – потерявший скорость самолет начал зависать, но ручка управления уже пошла вниз – самолет снова набирал скорость. Первая «мертвая петля» была выполнена. И пошла карусель: боевой разворот, виражи, «бочки», еще «петля», иммельманы, раверсманы, «горки» – французские названия фигур высшего пилотажа еще не были переведены на простой и понятный русский язык. – «Смотри, как выходить из штопора, но не дай бог туда

сорваться на малой высоте – не успеешь ни вывести, ни выпрыгнуть – замотает», – слышал я тот же голос. Инструктор затянул до упора газ и взял ручку «на себя».

Я увидел, как стрелка скорости на приборе катастрофически поползла назад. Самолет задрожал всем телом и как-то быстро завалился на крыло. В следующий момент он стал вращаться вокруг вертикальной оси – моя голова от перегрузки поехала набок и болталась от одной стенки фонаря кабины к другой. – «Не болтай башкой! Делаем вывод из штопора. Убираем крен, ручка "от себя", ногу на вывод!» – жестким командным голосом чеканил инструктор. Самолет прекратил вращение и, набрав скорость, стал снова послушным. – «Теперь пойдем в плоский штопор», – еле услышал я. От таких переживаний моя голова уже отказывалась соображать. Последняя фигура – ввод и вывод из плоского штопора – меня окончательно доконала. Через несколько минут работы в зоне, которые показались вечностью, я уже не видел, где земля, а где небо. Профилактическая доза марганцовки перестала действовать, непривычные нагрузки и ускорения также делали свое дело – мой желудок начинал выражать протест. Наблюдая за моей реакцией через зеркало и видя мое побледневшее лицо, инструктор решил окончательно доказать мою профессиональную непригодность. Весь обратный полет до аэродрома он крутил левые и правые бочки, сопровождая все это крепкими выражениями. Чтобы окончательно не опозориться, неимоверным усилием воли я справился с тошнотворными позывами моего взбунтовавшегося желудка. После посадки в конце полосы мне приказали вылезти из кабины и во время руления поддерживать самолет за хвост – при боковом ветре инструктору было трудно поддерживать направление. С расстройства я выскочил из кабины вместе с парашютом, ранец которого во время бега бил мне по сапогам. Пробежав так метров триста до стоянки и окончательно взмокнув, я, как и положено, попросил замечания о полете. «Тебе надо в колхозе работать, а не лезть в авиацию!» – прозвучал первый приговор. Конечно, инструктор не мог знать, что я был не в лучшей форме во время своего первого полета. Это была моя первая маленькая победа над собой!

Да, слабонервным здесь было не место. Сев в кабину, нужно было забыть обо всем, работать руками и ногами, вертеть головой, как сова, на триста шестьдесят градусов. Чтобы не стереть в кровь шею, еще на заре авиации летчики обматывали ее белым шелковым шарфом (что и советовали нам инструкторы). Уже на взлете, при поднятии хвостового колеса, гироскопический момент двигателя резко бросал самолет вправо, и только мгновенная реакция летчика могла сохранить прямолинейное направление взлета. Набор двести метров, инструктор имитирует отказ двигателя – затягивает газ. Самолет быстро теряет скорость. Необходимо принять решение: найти площадку для посадки и направить самолет туда. В последний момент перед приземлением инструктор выводил обороты двигателя на взлетный режим, и все продолжалось сначала. Таких процедур было более чем достаточно. Не справившихся с заданием заставляли тут же, на глазах у остальных курсантов летного квадрата (место на летном поле, где происходит разбор полетов, куда привозят второй завтрак и сидят курсанты), компенсировать промашки – приводили в чувство строевой подготовкой. Из-за одного провинившегося курсанта пять человек под руководством старшего в группе вынуждены были, под смех сидящих в квадрате, маршировать строем, в то время когда остальные заняты подготовкой к полету! Но таковы были в то время методы воспитания летчиков. Затем следовал общий послеполетный разбор и – обратно в казармы, в руки старшины. Время было расписано по минутам, многие не успевали перешить на гимнастерке свежий подворотничок и начистить позеленевшие от пота медные пуговицы, за что тут же получали наряды вне очереди. А это значило, в лучшем случае, вместо дневного отдыха опять мыть родимую казарму, отскабливая засохшую грязь от сапог трехсот курсантов. Процедура повторялась, если на проведенном по полу носовом платке старшины обнаруживались малейшие темные пятна. «В авиации все должно быть сделано чисто и без помарок», – приговаривал он, тыча

своим не достижимым носовым платком нам в нос. В воскресные дни вместе с инструкторами до обеда мы рыли траншеи для труб отопления авиагородка или строили новый тир для пальбы из наземных установок – шестиствольных пулеметов – ультрашкасов. Школа строилась, училась и летала одновременно.

Строем идем на очередной экзамен. Дорогу начинает перебегать черный кот. Отделение, как по команде, останавливается. Кот, запутавшись в ногах, бежит в конец отделения. Последний курсант хватается за шкурку и засовывает себе под шинель. Все отделение сдало экзамены на пятерки, а черный кот с тех пор стал нашим талисманом и очень скоро разжирел от постоянной подкормки – каждый курсант считал своим долгом на удачу притащить ему из столовой самый вкусный кусок.

Раз в неделю, к субботе, в клуб привозили кинофильм. Народу набивалось много. Однажды мне досталось только висячее место – рукой я держался за балку перекрытия крыши, упиравшись ногой в выступ стены, хотя и смотрел этот фильм раньше. Но фильм был потрясающий, трофейный – мелодрама «Сети шпионажа». Он и она, познакомившись где-то в Европе, поклялись друг другу в вечной любви. Затем последовала, как и полагается, неминуемая разлука. Через несколько лет жизнь сводит их в Танжере, где он, находясь в качестве агента одной из разведок на ответственном задании и случайно встретив там свою любовь, делает вид, что это не он. Чувство долга перед своей страной вступает в противоречие с чувством первой любви. Для нас, к тому времени уже прилично одичавших в кустанайских степях, это было то, что надо. И мы с Юркой еще долго делились перед сном своими впечатлениями.

Один в бескрайнем небе

Подошло время первых самостоятельных полетов. По установленной традиции курсанты запаслись дорогими папиросами, которые полагалось преподнести своему инструктору сразу же после выполнения первого самостоятельного полета. Проверку на допуск к полету из-за излишне приподнятого эмоционального состояния я прошел последним в группе. Наблюдая из летного квадрата за приземлением своих товарищей, за их сияющими лицами, я мусолил свои заготовленные дорогие табачные изделия и изнывал от нетерпения. Летный день заканчивался к полудню. Солнце уже нагрело степной воздух до температуры банной парилки, а это сказывалось на мощности двигателя и летных характеристиках машин. Вот-вот закроют полеты. Наконец, мне разрешили сесть в раскаленный под лучами солнца самолет. В задней кабине вместо летчика для соблюдения центровки лежал привязанный мешок с песком. Инструктор помог пристегнуть ремни, еще раз оглядел кабину и, хлопнув меня по плечу, молча удалился. Для экономии времени двигатель после предыдущего полета не выключался, и мне оставалось только закрыть фонарь кабины и запросить вырубивание на старт. Я нажал кнопку радиостанции и посмотрел на летное поле, где на земле и в воздухе с «конвейера» работало сразу около десятка машин. «Конвейер» – такой режим работы, при котором после посадки самолет не тормозится, а сразу начинает очередной взлет. Это позволяет не тратить лишнее время и бензин на руление, но требует четкой работы руководителя полетов и тех, кто в воздухе. Я стоял в очереди в ожидании «окна» на занятие старта. После посадки очередного самолета получил наконец разрешение включиться в эту карусель. Здесь зевать некогда – шевели руками, ногами и головой. Мой белый шелковый шарф, которым я обмотал шею, уже скатался, но руки были заняты, и я не мог его расправить. Правая сторона шеи уже натиралась о жесткий летный комбинезон. Взгляд влево и вперед – туда, где сел очередной борт. На прямой уже висит следующий, и его летчик ждет разрешения на посадку. Предстартовые волнения пропали сразу, голова работала четко и ясно. На исполнительном старте, получив разрешение на взлет, я вывел рычаг газа вперед

до упора и отпустил тормоза. Машину, как из катапульты, рвануло вперед. Главное – выдерживать направление разбега и на установленной скорости отдать ручку управления рулями высоты «от себя» – начать подъем хвоста. Сейчас гироскопический момент двигателя бросит самолет вправо. Пытаясь уловить этот момент, я поглядывал вперед, на выбранный ориентир. Быстро спарировал бросок, а машина, подпрыгивая на земле, уже просилась в воздух. На этом типе самолета при взлете и посадке, до тех пор пока самолет бежит на трех точках, чтобы видеть землю, пилот должен смотреть сквозь боковое стекло фонаря кабины влево – ось направления полета не совпадает с осью направления взгляда пилота. Передний обзор закрывает капот двигателя. Для многих курсантов эта особенность конструкции создавала определенные трудности. Взгляд на прибор – скорость отрыва, я потянул ручку управления «на себя» и оторвался от земли. Убрав шасси и закрылки, быстро оказался на высоте четырехсот метров – высоте «круга», или «коробочки», по периметру которой самолет должен пройти, чтобы попасть на аэродром и зайти на посадку. Прибрав режим двигателя, положил машину в левый крен для первого разворота. Огляделся по сторонам. Наконец я один в бескрайнем небе. Наслаждаться полетом было некогда – пора выполнять второй разворот. Взглянул на приборы – скорость, высота, курс, температура масла, двигателя, добавил газ и пошел на вираж. Несколько минут, отведенных на выполнение штатной «коробочки» – круга по аэродрому, пролетели мгновенно. Вот уже траверз аэродрома. Снова выпуск шасси, третий и четвертый разворот, и я «на прямой». Это самый ответственный этап полета на любом аэроплане. Подобрал обороты двигателя, установил скорость планирования, выпустил закрылки в посадочное положение и начал снижение по строго выверенной траектории – глиссаде, чтобы приземлиться у посадочного знака. Все движения рулями приобрели твердость и уверенность. Я не узнавал себя: никакого напряжения, все происходило по заранее отточенному алгоритму. Замелькала земля, я медленно затянул газ и по мере гашения скорости стал подбирать ручку «на себя». Легкие толчки колес ощутил точно у посадочного знака.

С потерей скорости хвост самолета стал медленно опускаться на землю, нос самолета поднялся вверх, и я начал терять землю. Снова повернул голову влево – мимо меня с большой скоростью пролетали боковые ограничители посадочной полосы – организм бросил в кровь последнюю порцию адреналина. Выдерживая направление педалями, я начал давить на гашетку тормозов – привязные ремни вдавились в тело. Торможение. Полет сделан! Но радоваться рано. Нужно красиво, не поднимая пыли, зарулить на стоянку. Я потянул за ручку открытия фонаря кабины и резко отбросил его назад – в кабину ворвался горячий степной воздух. После полета он показался прохладным – словно из сауны я попал в предбанник. И только теперь я почувствовал, что мой комбинезон, пропитанный тетроэтилосвинцом и моим потом, прилип к спине. Я бросил взгляд на «стартовый квадрат», где увидел махающих шлемофонами и планшетами, переживающих за меня ребят – последний курсант нашей группы наконец вылетел самостоятельно. По радиации слышу: «Полеты закончены!» – Подрулив к месту стоянки и выключив все, что положено, сделав серьезное лицо, я твердым шагом подошел к инструктору и доложил о выполнении первого самостоятельного полета, потом испросил замечания. Он так же, как и перед полетом, дружески хлопнул меня по плечу и буркнул: «Нормально!» – А я почувствовал, что у меня за спиной, как и у всех, сразу же выросло первое «перо».

Далее инструкторы учили нас выполнять фигуры высшего пилотажа, затем последовали самостоятельные полеты в зону для отработки этих фигур. Подъем в три часа утра, первый завтрак, в автобус и на аэродром, чтобы закончить полеты до жары. В шесть часов утра, с первыми лучами солнца, я уже вышел в зону на полторы тысячи метров над большим, в несколько километров, болотом. Рычаг газа – вперед до упора. Разогнав машину в «пике», пошел на «мертвую петлю». В верхней точке затянул до упора газ и дал ручку на выход. Машина снова в «пике». Набираю положенную скорость – надо выходить из «пике».

Посылаю рычаг газа вперед и... никакой реакции – мотор, переохладившись, заглох. Я не учел, что на высоте утром холодно, и забыл включить подогрев двигателя. Включать уже поздно – двигатель не работает, но я открываю заслонку подогрева. Теряю высоту. Чтобы не сорваться в штопор, держу минимальную скорость. Самолет снижается ниже предельной высоты в тысячу метров, по достижении которой курсант, чтобы успеть вылезти из самолета и открыть парашют, должен покинуть кабину. Зная, что за мной наблюдает в бинокль кто-то из наших курсантов, а может быть, и сам инструктор, начинаю соображать, что делать? Бросать исправный самолет – позор. Приходится снова снижаться, чтобы не потерять скорость и не сорваться в штопор. Дважды проделываю операции по запуску двигателя в воздухе. «Давай, давай, родимый!» Где-то на высоте восьмисот метров двигатель был запущен и, набрав положенную высоту, я снова начал выполнять остальные фигуры высшего пилотажа. Выполнив задание, давлу на кнопку радиостанции и спокойно докладываю: «Работу в зоне закончил! Разрешите выход и снижение». – А в голове уже вертелись варианты оправдания случившегося. Однако поутру, видимо, никто не наблюдал за моими кренделями и не заметил, что случилось. И только в казарме я поведал моему другу Юрке, что произошло. На одномоторном самолете без двигателя возможно только планирование со снижением и посадка, если найдешь подходящее место.

В школе не забывали и о спорте. Приближались соревнования на первенство Уральского военного округа по боксу. И мы с Юрой, как бывшие боксеры, тут как тут – члены спортивной команды освобождались от нарядов и хозяйственных работ. Ежедневно в спортивном бараке мы, как умели (тренера по боксу у нас не было), «входили в спортивную форму» – нещадно колотили друг друга боксерскими перчатками. Уже через пару недель нас повезли на сборы в курортное место под Челябинском – Чебаркуль. К тому времени полеты были закончены и мы наслаждались непривычной свободой. Чистый лесной воздух, огромное озеро с прозрачной водой среди сопok, покрытых хвойным лесом, отличное питание – все располагало к тренировкам. На этих сборах мы снова встретились со своими учителями и одноклубниками по боксу из свердловского Дома офицеров. Все они были перворазрядниками, некоторые – даже чемпионами России. Мы же были новичками, и нам предстояли бои с такими же новичками из других военных училищ. На открытом воздухе стоял помост с рингом, по периметру которого выстроились команды. С первого взгляда на сбитых молодцов было ясно, что борьба будет нелегкой. Я выступал в первом полусреднем весе и по жеребьевке (поскольку боксеров ниже моего веса в 62 килограмма просто не было) должен был выходить первым. Когда назвали мою фамилию, я двинулся к рингу. Выход на ринг всегда был самым ответственным моментом – что-то вроде того, когда стоишь перед открытым люком самолета и готовишься к прыжку. Это надо прочувствовать каждому. Старый одноклубовец, Юрий Хохлов, понимая мое состояние, накинул на меня свой серый пиджак, на котором красовалась серебряная звезда чемпиона России, и шагнул со мной к рингу в качестве секунданта. В противоположном углу ринга, где уже готовили моего противника, секунданты вытянули шеи. Почувствовав такую моральную поддержку, я быстро успокоился. Судья на ринге ошупал наши боксерские перчатки и отправил нас по углам. Прозвучал гонг, и мы, как рабы-гладиаторы в Колизее, двинулись навстречу друг другу. С первых же секунд, чтобы расслабить собранные в комок нервы, я выбрал наступательную тактику и без разведки обрушил на противника серию ударов, «потасил» его по периметру ринга с таким напором, что через минуту судья остановил бой. Ничего не понимая, я отправился в свой угол. Посоветовавшись с боковыми судьями, рефери жестом пригласил нас на центр ринга. Я снова был готов продолжать бой. Но вдруг он произнес: «За явным преимуществом бой выиграл...», – и поднял вверх мою перчатку. Так, то ли со страху, то ли благодаря моей прежней подготовке и поддержке товарищей, я выиграл мой первый и все последующие бои в этих соревнованиях. Второй раз от летной школы я выступал на первенство Ураль-

ского военного округа в Челябинском училище штурманов. Противник достался достойный – штурман-инструктор училища, перворазрядник, чемпион города по штанге. У меня же был только второй разряд. В первом же раунде я подцепил крюк слева. Удар был так хорош, что в один момент я увидел больше звезд, чем все астрономы за свои научные наблюдения. Я «поплыл» – нокдаун. Но у меня повадка верблюда, которого нельзя остановить, когда он идет, и нельзя заставить идти, когда он отдыхает. Придя в себя и пытаясь реабилитироваться, я потащил его по рингу. Все три раунда я навязывал ему бой. Но опыт моего противника взял верх. Конечно, по очкам победил он. От многочисленных синяков я выглядел, как очковая змея. Но зато в курсантской столовой курсанты-штурмана уважительно посматривали в мою сторону – видимо, их инструктор не пользовался особым авторитетом. И даже спустя много лет, при случайной встрече с курсантами этого училища, я слышал от них одобрительные высказывания по поводу того боя.

А тогда, посмотрев на мою поврежденную переносицу, врачи нашей летной комиссии посоветовали мне сделать выбор между авиацией и боксом – я выбрал первое. Недавно, перебирая старые фотографии, я обнаружил и Почетную грамоту за второе место по боксу в соревнованиях Уральского военного округа.

Первый отпуск

Наступила осень. Морально закаленные трудами, невзгодами и победами над собой, с направлением на Кавказ для продолжения обучения в Кировабадском летном училище мы с другом Юркой отбыли в долгожданный отпуск...

Ранним зимним утром на перрон родного свердловского вокзала вышли из вагона два курсанта в авиационной форме. Весь их вид выражал уверенность в себе. Широко расставив начищенные до неимоверного блеска сапоги, они, как инопланетяне, высадившиеся с другой планеты, всматривались в окружающих. Для «восстановления ориентировки» сразу проехали прямо на «спецбульвар», однако не встретили ни одной знакомой души. Договорились – сейчас по домам, а вечером встречаемся у Дома офицеров. Меня встретили мать и брат. Но, кроме маленького фибрового чемоданчика, набитого пачками сахара, который получали вместо папирос те, кто не курил, я не привез никаких подарков. Там, где мы служили, ничего подходящего не нашлось. Было очень стыдно. Но радость встречи сгладила все неловкости. Мама, уже изрядно постаревшая, суежилась у маленькой электроплитки, доставая припасенные для этого случая дефицитные в то время нехитрые продукты. Брат Евгений поставил на стол рижское пиво и сыр. В общем, обстановка и настроение были праздничными. Наступал вечер. Я вышел из дома, промчался с детства знакомыми улицами и поднялся по лестнице деревянного дома, где жил мой школьный друг Гена. Сердце колотилось от предчувствия встречи, но на стук в дверь никто не ответил. Сосед сообщил, что мой друг в армии. Видимо, последнее его письмо из дома уже не застало меня. Я побежал к другому товарищу, но и его тоже не оказалось. Приближалось время встречи у Дома офицеров. Юрка уже ждал меня. В клубе было какое-то мероприятие, и мы с Юркой долго очаровывали кассиршу, чтобы достать билеты. Вскоре мы оказались в просторном знакомом «предбаннике», где к нам сразу же подошел наряд военного патруля. Присмотревшись к нашим курсантским голубым погонам и отпускным удостоверениям, старший офицер откозырял и пожелал нам приятного отдыха. Оглядевшись, направились в зал застолбить свои места. С первым звонком по рядам, благоухая незнакомыми запахами духов (мы же, насквозь провонявшие авиационным бензином, кроме «Тройного одеколона» и «Шипра», ничего не знали), потянулись заинтересованные в знакомстве с военными засидевшиеся невесты. Устроившись где-то сбоку (наши места были уже заняты), мы вглядывались в лица, пытаясь узнать хоть кого-

то из старых знакомых, но тщетно. Можно подумать, что за полтора года нашего отсутствия сменилось целое поколение.

Открылся занавес, и с песней о Родине перед нами предстал все тот же строй Военного ансамбля песни и пляски Уральского военного округа. Проголосив пару-другую патриотических ораторий, соловьи строем удалились. Старательно выколачивая пыль из досок, хор сменили «топтуны» с традиционными армейскими плясками. Такое могли безропотно выдерживать только пожилые дамы, из года в год не терявшие надежды подцепить уставшего от холостяцкой жизни армейского старшину. А мы потихоньку стали выбираться по направлению к буфету, где за кружкой пива сидели такие же любители хорового пения – ждали начала танцев. И когда загредел духовой оркестр, мы уже были на старте, как армейские лошади при первых звуках полковой трубы. Быстро растащив какую-то парочку подружек, мы пустились в пляс восстанавливать свое прежнее мастерство. Конечно, в кирзовых сапогах так не станцуешь, но в новой курсантской форме мы чувствовали себя, как гусары. Поменяв несколько партнерш и ни на ком не останавливаясь, чтобы никого потом не провожать, еще до окончания вечера мы снялись с якоря. Не терпелось пробежаться по вечернему городу, по нашему бульвару. И снова – никого. К тому времени спецшколу закрыли. Наш «спец» Борис Штоколов уже пел в Большом театре, а все знакомые подруги куда-то подевались, и только старый гастроном, как маяк в бухте, так же горел яркими огнями. Набрав несколько бутылок жигулевского пива, вкус которого мы уже успели позабыть, двинулись домой к другу. А там уже заждались его родители: отец, майор, и тихая добрая мать. Посидев с часок и получив ценные наставления бывшего офицера, по морозным темным улочкам, мимо «Зеленой рощи» я отправился до своего деревянного дома, что стоял на самом краю города, на улице Куйбышева. Засуетилась у кухонного столика мама, брат, утомившись от ожидания, устроившись на полу, уже спал, уступив мне свое место на стареньком довоенном диване. Домашнее тепло и горячие котлеты сделали свое дело, и от накопившейся усталости и свежих впечатлений я начал отключаться прямо за столом. Часы показывали второй час ночи, и я заснул сном праведника. На следующее утро я решил навестить моего старого товарища детства Женьку Синицына, с которым в наших старых дворах мы провели военное детство, где лазили по многочисленным сараям в поисках стеклянных банок, которые сдавали в магазин в обмен на урюк. Но... и он оказался в армии... Быстро летит время.

Пересмотрев в городе все фильмы и спектакли, мы с Юркой уже не знали, чем заняться. Он предложил отметить отъезд – оставить последние деньги в ресторане, что на улице Вайнера, где на саксофоне играл отец нашего школьного товарища Эдуарда. Билеты в кино на новый фильм Юрка предложил одиноко стоявшей около кинотеатра симпатичной девушке.

– Сколько я должна за билеты? – только и успела спросить она.

– Честь имею, курсант авиационный, – гордо откозырял он, и мы удалились.

Так, без старых друзей и товарищей, как один день пролетел такой долгожданный отпуск, и мы снова отправились на вокзал, чтобы сесть в поезд и ехать к новому месту нашей, казалось, бесконечной учебы...

В город детства лучше не возвращаться.

Кировабад

Переполненный жизнерадостными кавказскими джигитами, удачно распродавшими свои мандарины и лавровый лист, поезд тащил нас мимо Сочи и Сухуми в обширную долину меж гор, где протекает река Кура, в азербайджанский город Кировабад. На окраине города, на месте старого армейского аэродрома, уютно расположилось военно-авиационное училище, где нам предстояло дальнейшее освоение авиации.

Нас стало намного меньше – половина ребят ушла в истребители. Оставшуюся часть пополнили курсанты из других авиационных школ первоначального обучения летчиков. Надо было как-то уживаться. Особых стычек не было, и уже скоро мы стали единой авиационной семьей. Учеба, караулы, снова учеба. Больше всего мы любили охранять склады с военным снаряжением, располагавшиеся за аэродромом. Проверяющие туда почти не заглядывали, и в теплые южные ночи мы бродили вдоль колючей проволоки и предавались своим воспоминаниям и мечтам. И когда внезапно где-то рядом раздавался жуткий вой шакала, что-то наподобие «Вау!», надо было обладать крепкими нервами, чтобы не стать заикой. От скуки иногда палили из автомата по самолетной бронеспинке, за которой находился туалет – благо патроны при сдаче тогда не пересчитывали. Однажды оттуда раздался вопль – не заметили, что туалет оказался занят. А мы на деле убедились, что бронеспинка вполне выполняет свое назначение.

Рядом с училищем находился небольшой ангар, где еще с давних времен располагалась военная рембаза, обслуживающая реактивные истребители. В свободное время мы любили ходить туда и смотреть, как машины готовили к облету. На площадке стоял МиГ-15, который только что выкатили из ангара. Вокруг него сновали инженеры и техники, рядом, пристегивая ремни парашюта, готовился к полету летчик-испытатель. Он не спеша забрался в узкую кабину, закрыл фонарь и натянул кислородную маску. «Пойдет на высоту», – прикинули мы. Засвистела турбина, техники отсоединили кабели. Летчик еще раз поправил на лице кислородную маску и развел черные перчатки в стороны – техники потащили из-под колес тросы тормозных колодок. Чтобы не попасть под выхлопную струю турбины, мы укрылись за какой-то машиной. Истребитель медленно пошел по рулежке в сторону взлетной полосы. Через несколько минут со страшным грохотом он оторвался от бетона и свечой ушел в небо. Когда же мы вот так же сядем в кабину реактивного самолета?

Наконец закончилась теория и начались полеты. Снова нас поднимали в три часа ночи, чтобы закончить полеты до полуденной кавказской жары, когда двигатели самолетов значительно теряют мощность. Мы пересели на новый Як-18у – с носовой стойкой шасси. В пилотировании он оказался немного тяжелее старого, с хвостовым колесом, зато взлеты и посадки были гораздо проще, ибо не надо, как раньше, смотреть в сторону через боковое стекло. И когда мы всем экипажем после летного дня оттирали следы масла с капота двигателя нашего «яка», всем было ясно, что кто-то из курсантов «завис» в верхней точке при выполнении «мертвой петли».

Запас топлива на этом самолете позволял выполнять маршрутные полеты более двух часов. Через год нас пересадят прямо на фронтовой реактивный бомбардировщик, а пока надо было осваивать навыки полетов по приборам, работать одновременно без автопилота за летчика и штурмана. Изучив зону полетов, все курсы и расстояния между поворотными пунктами маршрута, как свою казарму, курсант допускался к полетам. После освоения упражнений по высшему пилотажу нам уже казалось, что мы чувствуем себя в самолете как на своей железной койке. Однако, когда началось обучение полетам по приборам в маршрутном полете, и инструктор дал команду закрыться брезентовым колпаком, чтобы не видеть землю, я сразу почувствовал себя, как кот в мешке. Поначалу мне казалось, что все время я лечу боком, хотя стрелки авиагоризонта показывали только незначительный крен.

«А высоту кто держать будет?» – раздалось в шлемофоне. Я потянул ручку управления «на себя» – проскочив заданную высоту, я снова упустил крен самолета. Теперь мне казалось, что я лечу уже вниз головой, – пора собраться, брать себя в руки. Я почувствовал, как комбинезон, надетый из-за жары на голое тело, начал прилипать к спине. Смахнув левой рукой застилающий глаза пот, я заставил себя верить только показаниям приборов, а не своим ощущениям. В следующих полетах меня уже так не крутило. В маршрутных полетах вместо инструктора сидел курсант. Можно было спокойно глазеть по сторонам и обме-

ниваться впечатлениями по внутренней радиосвязи. Нам с Юрием повезло – мы напросились в одну группу и летали по маршруту в одном экипаже. Казалось, что теперь мы уже были готовы летать в облаках. Но вход туда был строго заказан – только визуальный полет. Однажды, полагаясь на полученные навыки полетов по приборам и знание маршрута, мы все же в облака влезли. До поворотного пункта оставалось минут двадцать – не поворачивать же назад. Радиокompас работал устойчиво, и мы, как опытные асы, точно вышли на все поворотные пункты и вернулись на аэродром.

Еще в самом начале учебы мы с Юркой решили, что будем летать только на бомбардировщиках. А это требует особых тренировок. И вот на каждый рейс, втихая от инструктора, мы проносили в кабину пару заранее приготовленных кирпичей. Пролетая над участком реки Куры и убедившись в отсутствии людей и лодок, с креном и скольжением на крыло мы валились вниз, громкими воплями имитируя зловещий вой бомбардировщика. Свободный от пилотирования Юрка открывал фонарь кабины, доставал кирпич и с остервенением, словно на батарею противника, швырял его за борт. Я выходил из «пике», и атака прекращалась. Довольные собой, мы продолжали полет по программе.

Так прошло длинное кавказское лето. Пожелтели листья на деревьях, натканных вдоль дорожек нашего училища, и только какие-то южные плоды с двумя крылышками – «курсантские слезы» – каждое утро не давали покоя нашему начальству. Их то и подметали по два раза в день курсанты, схлопотавшие наряды вне очереди. «И почему не финики», – сетовали мы. Вторая беда – это слишком ретивый заместитель командира полка по строевой подготовке майор Пагосов. Когда взвод под командованием старшины, маршируя к столовой, уже чувствовал запахи кухни, из-за какого-нибудь куста, как черт из коробочки, выскакивал майор. И как бы мы не старались маршировать, каждый раз слышали одну и ту же команду: «Взвод, стой! Кругом! Шагом марш!» (майор был из местных, а строевую любил, как мать родную). В столовой, заложив руки за спину, выпятив вперед, как Муссолини, нижнюю губу, майор прохаживался вдоль столов, внимательно наблюдал за нами и, если замечал, что кому-то из курсантов не понравилась еда, забирал алюминиевую чашку и направлялся на кухню. И – горе кухонной бригаде! Доставалось всем. И, надо сказать, за это его уважали. Это был настоящий пехотный строевик, не на словах, а на деле заботившийся о своем войске. Однако его педантичность и требовательность не знали границ. Наряды вне очереди сыпались на нас, как из рога изобилия. Увернуться было невозможно. И мы снова таскали, чистили, возили, грузили. И только дождавшись его отпуска, вместо дневного сна мы с Юркой стали ходить на спортплощадку, чтобы продолжать заниматься боксом. В три часа дня под палящим южным солнцем это было нелегко. Намахавшись до седьмого пота и сполоснувшись под душем, мы перелезали через забор училища и заходили в рядом стоящий ларек, где всегда была холодная минеральная вода «Арзни». Купив там же пару кило дешевого винограда, усаживались где-нибудь в тени и восстанавливали потерянный на тренировке водный баланс. К подъему мы были снова в казарме. В субботу и воскресенье нас уже не гоняли на земляные работы, и мы гуляли по городу, познавая восточный колорит жизни. Отношение к нам со стороны местных жителей было скорее нейтральное, чем доброжелательное, однако никто никогда никого не обижал. Да и среди курсантов были представители всех республик нашей страны. Через год кончился и кавказский период обучения. Мы с Юркой опять в общем вагоне, с пересадкой в Тбилиси на Москву, а там на Свердловск – в отпуск.

Снова в казахские степи

Наше новое место летного обучения находилось где-то в степи под Орском. Мороз, пронизывающий ветер. Третий год обучения и знакомство с первым советским реактивным

бомбардировщиком Ил-28, как и везде, начался с караулов. Охраняя эти машины, я прощупал все детали шасси, двигателей, до которых только мог дотянуться. Все было прочно и хорошо сработано. Отливая синевой вороненой стали, снизу фюзеляжа торчали стволы двух авиационных пушек, сзади, из кабины радиста – еще двух. Триплексы кабины пилота, штурмана и радиста были зачехлены. Очень хотелось залезть внутрь, но кабины находились очень высоко и были закрыты на замки, а стремянок поблизости не было, да и в тяжелом овчинном тулупе высоко не залезешь. За время караулов мы уже довольно хорошо изучили внешнее устройство самолета. Догадались открывать заслонку выхлопной трубы двигателя и, забравшись туда и закрыв ее за собой, укрывались от пронизывающего ветра. Иногда удавалось и вздремнуть там часок.

Вскоре началась теория. Преподаватель по вооружению, объяснив устройство и работу механизмов скорострельных авиационных пушек НР-23 и НР-37 конструкции Нудельмана-Рихтера, которыми был вооружен наш самолет, разбираал их на детали и просил курсантов снова собрать их за установленное время. Мы, сбивая пальцы, старались. Но после каждой сборки на столе еще долго оставались лишние детали. Только у Юрки на столе было чисто – к тому моменту, когда преподаватель подходил к нему, оставшиеся детали он лихо смахивал в ящик стола. Но хитрость вскоре была раскрыта.

В училище из нас готовили специалистов широкого профиля: техников по двигателям, приборам, вооружению, радиооборудованию и другим авиационным специальностям, которых насчитывалось более десяти. Зачем это надо было нам – будущим летчикам, мы тогда не понимали. Но зато очень хорошо понимали те, кто составлял учебные программы. Ведь век военного летчика не долгов, а генералом станет далеко не каждый. И куда деваться молодому, полному сил, списанному с летной работы офицеру? Правильно – в авиатехники: по вооружению, по радиооборудованию, по конструкции самолета, по двигателям и т. д. Об этом делалась соответствующая запись в дипломе об окончании училища.

Перед началом полетов мы могли разобрать и собрать за строго установленное время авиационную пушку, знали каждый агрегат самолетных систем и двигателей, разбирались в приборах и радиооборудовании. А вот летать на нем мы еще не умели.

Вскоре состоялось первое знакомство с кабиной пилота, штурмана и стрелка-радиста. Вместо сидения летчика – катапульта, приборное оборудование – в каждом углу и даже между ног, под штурвалом, приборы. Передний обзор справа своей стекляшкой закрывал коллиматорный прицел – устройство, сквозь стекло которого на фоне разметки точно по оси полета летчик видел свою цель. Оставалось только рассчитать упреждение на скорость и угол схождения самолетов и нажать гашетку – все, как делает опытный охотник на уток. Удобный штурвал с двумя «рогами». На правом под предохранительными колпачками скрывались кнопки управления двумя скорострельными авиационными пушками летчика и кнопка радиосвязи. Фонарь кабины из двойного оргстекла, воздух из него автоматически высасывается при герметизации. Сзади – бронеспинка. Полная герметизация при полетах на высоте. Внизу, слева, отливающая ярким красным цветом, законтреннная на стоянке предохранительной чекой с красным флажком торчала гашетка катапульты. Все сделано продуманно и добротнo. Максимальная скорость реактивного бомбардировщика – девятьсот километров в час. Боевое применение: работа по танкам и всему, что летает и движется. Огромный бомболюк, предусмотрено применение и атомной бомбы.

В штурманской кабине, расположенной отдельно, в носу самолета, было немного просторнее. Большой фонарь из особо прочного двойного органического стекла давал возможность штурману видеть все, что происходило внизу, сверху и по бокам. Справа по полету стоял огромный металлический шкаф с четырьмя сотнями радиоламп – сверхточный и по нынешним временам прибор бомбометания – «РЫМ», позволявший с высоты девять километров за облаками при соответствующем наведении попасть в цель с точностью до пятна-

дцати метров. Летать в этой кабине нам разрешали только при самостоятельных вылетах наших коллег, да и то для того, чтобы вовремя включить генераторы. В кабину бортради-ста можно было влезть только снизу, через откидной люк (через который он и катапультиро-вался). Там располагались механизмы управления огнем двух пушек и радиооборудование. Во время учебных полетов – работа не пыльная, и иногда бывали случаи, когда бортрадисты, сняв кислородную маску, от скуки пытались жевать выдаваемый всем шоколад и от недо-статка кислорода... засыпали.

Учебное катапультирование

Ранним утром экипажи стояли в строю перед наземной установкой – металлической конструкцией с укрепленными на ней пятиметровыми рельсами для выброса бронирован-ного пилотского сидения. Отличие от боевой установки состояло лишь в половинной вели-чине порохового заряда, выдававшего перегрузку в восемь единиц вместо шестнадцати. Ее было достаточно, чтобы не свернуть шею и не повредить позвоночник. Рассказав и показав еще раз, как надо садиться, как, прижавшись к бронеспинке, выпрямить тело, убрать ноги на подставку сидения, чтобы при отстреле они не зацепились за штурвал и не были оторваны (штурвал автоматически, после нажатия рукоятки катапультирования, должен был уйти впе-ред), инструктор спросил, кто хочет быть первым. Все молчали. А в это время мимо пле-лась группа солдат из стройбата. Один из них, деревенский с виду парень, услышав предло-жение, вдруг спросил: «А мне можно?» – Мы удивились такой наглости стройбатовца. Но страх был сильнее поправленного самолюбия будущих летчиков. Инструктор молча привязал добровольца к сидению и закрыл крышку фонаря, словно тот собрался прокатиться в парке аттракционов. Мы видели, как напряглось его тело и пальцы начали медленно сжимать крас-ную скобу пуска. Раздался оглушительный грохот. В доли секунды массивная кабина в клу-бах пороховых газов вместе с солдатом по направляющим рельсам улетела вверх и оторвала верхний ограничитель ее движения по рельсам. Еще немного, и она бы вылетела по направ-ляющим вместе с добровольцем в свободный полет. Инструктор схватился за стопор и опу-стил вниз ничего не понявшего смельчака. Желаящих повторить эксперимент не было. При-тащили оторванный ограничитель. Инструктор, как ни в чем не бывало, начал привинчивать его обратно. Закончив ремонт и заложив в зарядное устройство новый пороховой патрон, он достал список курсантов и по алфавитному списку назвал первую фамилию. Она оказалась моей. Я сделал вид, что не слышу. «Толкните его, он глухой, – заорал инструктор. – Ракета готова! Поздно говорить, что ты передумал!» – И я, как на заклятие, побрел к снаряду. Лязг захлопнувшегося фонаря, откуда-то сверху шторка на глаза, чтобы в полете от скорости их не выдавило, голова строго вертикально, позвоночник прижат к спинке. Нажимаю на гашетку. Грохот, серный запах пороха. Уже наверху, быстро очухавшись, я, как и учили, отстегнулся от сидения (в воздухе нужно было еще оттолкнуться от него, чтобы оно не помешало при падении открыть парашют) и быстро выскочил на специально пристроенную наверху пло-щадку. Инструктор, щелкнув кнопкой, остановил бег секундомера. Подавив шок, стараясь не поставить трясущиеся ноги мимо ступенек лестницы, я начал медленно спускаться вниз.

Полеты «на трубе»

Первое, что мы освоили при переходе на новый самолет, – это повышенная норма пита-ния – 5А. Мы уже вместе с нашими инструкторами сидели в офицерской столовой за сто-лами, накрытыми белыми скатертями. Каждое утро на столе среди вкусных салатов лежала стограммовая плитка шоколада на четверых, в обед – на выбор первое и второе, пирожные и компот из болгарских консервированных персиков. Общая дневная калорийность питания

зашкаливала за пять тысяч – авиационные медики знали, чем кормить летчиков реактивной авиации. Но довольно скоро мы уже не могли смотреть на шоколадные плитки и складывали их, как запасливые мыши, в тумбочки.

Новые инструкторы относились к нам, как к равным. Тренировочным полетам предшествовала короткая наземная подготовка с новым инструктором, которого мы сразу зауважали. Он был полной противоположностью предыдущему – доброжелательное отношение к каждому, как к летчику, а не как к сырому расходному материалу для своих экспериментов, никаких придирок и подначек, полное взаимопонимание. Натренированные до автоматизма правилам посадки в кабину – куда какую ногу ставить, какой рукой за что браться, мы наконец приступили к ознакомительным полетам. В нашей группе из шести человек один курсант был очень высокого роста. Чтобы закрыть фонарь кабины, ему нужно было наклонять голову. Другой – еле выглядывал из кабины, и ему приходилось ходить на полеты с подушкой, чтобы подкладывать ее под себя, иначе он ничего не видел. «Пат и Паташон» всегда подтрунивали друг над другом: «Не вздумай катапультироваться, – говорил длинный, – от тебя полетят одни перья и ты не найдешь кольцо парашюта». – «А ты не забудь нагнуть башку, а то прошибешь ею фонарь», – парировал коротышка.

Грубоватый солдатский юмор помогал расслабиться – более тонкий мы еще не освоили. Итак, каждому предстояло испытание – первый полет на «спарке» реактивного бомбардировщика – инструктор в передней кабине, курсант в задней.

Втершись поудобнее в чашку сидения катапульты вместе с парашютом, я опустил тяжелый яйцевидный фонарь кабины и сразу же погрузился в полную тишину. По отдельной стремянке в свою кабину залез инструктор. Неслышно закрылся огромный люк его отсека.

– Приготовиться к запуску! – услышал я голос инструктора по внутренней радиосвязи.

– Техник к запуску готов! – доложили с земли.

– От двигателей! Запуск левого двигателя! Засвистели турбины, стрелки приборов зашевелились.

– Убрать колодки! – наземные техники бросились под плоскости выполнять команду.

– Колодки убраны, конец связи, – прозвучало в шлемофоне.

– Разрешите вырывать на предварительный?

Сектора газа медленно пошли вперед. Огромный бомбардировщик плавно начал движение к взлетной полосе. Я старался уловить все нюансы этого процесса, поглядывая то на приборы, то на рычаги управления двигателями, ощущая ногами движение педалей. Самолет остановился в начале взлетной полосы. Инструктор притормозил и затем снова проручил вперед, чтобы переднее колесо шасси встало прямо по полосе. С вышки управления получено разрешение на взлет, я плотнее прижался к спинке кресла. Вместе с моей левой рукой рычаги управления двигателями пошли вперед до упора, свист турбин перешел в грохот, самолет, удерживаемый тормозами, весь затрясся, нос прижался к земле и вдруг резко рванул вперед.

– Поехали! – услышал я спокойный голос инструктора. – Штурвал на себя, но плавно, – шептали наушники.

Мощная реактивная тяга двух турбин, работающих на плунжерных топливных насосах, «содранных» с германской ракеты ФАУ-2, прижала меня к спинке сидения. С каждой секундой нарастала скорость. И вот мы уже в воздухе. С бешеной скоростью земля уходила вниз – стрелка вертикальной скорости набора кинулась по прибору вверх на отметку пятнадцать метров в секунду. «Убираем шасси. Убираем закрылки. Выполняем первый разворот», – одна за другой следовали команды, и самолет с ощутимой перегрузкой стал медленно входить в левый крен.

– Выполняю второй.

– Мы уже на высоте круга. Взглянув на прибор высоты и вариометр, я попытался поддерживать горизонтальный полет.

– Взять управление! – слышалась команда инструктора.

Высота «бегала» – плюс-минус тридцать метров. Я почувствовал, как быстро сжималось время между маневрами. – «Выпускаем шасси!» – Мы уже на траверзе взлетной полосы. Оторвавшись от приборов, посмотрел влево, туда, где должен был быть аэродром, и еле различил его очертания. Одурев от скорости и постоянно поглядывая на высотомер, я попытался хоть как-то выдержать высоту полета. – «Выполняем третий разворот!» – слышу еще незнакомый голос инструктора. Взгляд на авиагоризонт. Взяв штурвал, я начал вводить самолет в крен. – «Выход!» – подсказал инструктор. Я видел, что силуэт самолета на приборе еще не лег на отметку заданного крена, но рули уже отрабатывали обратный ход – учет инерции, и я начал вывод. Получилось! – «Закрылки», – напоминает инструктор. Убрав руку с секторов управления двигателями, шарю фиксатор закрылков. Закрылки выпускаются, самолет лезет вверх, отжимаю штурвал, прибираю обороты турбин. – «Четвертый разворот», – поступила команда. Я уже видел слева полосу аэродрома, и снова, повернувшись к приборам, вышел на «прямую». – «Закрылки полностью! Что сидишь?» – я опустил рукоятку полностью вниз. Самолет начал «вспухать». – «Прибери обороты турбин!» – Рычаги управления двигателями пошли назад. Я еле успевал за темпом работы и, чтобы не вылезти за траекторию планирования, начал двойными движениями (вперед и тут же чуть назад) толкать штурвал на снижение. Постоянная работа с оборотами турбин – на каждом этапе снижения своя скорость, к началу выравнивания она должна быть не более двухсот пятидесяти километров в час. На ней нужно подойти к полосе. Главное – сохранить угол снижения. Тоненькая лента посадочной полосы расширялась на глазах. – «Начинаем выравнивание! Медленно берем штурвал "на себя!"» – Кабина самолета пошла вверх, шасси вниз. Я вытягиваю шею, чтобы не потерять землю. Рычаги управления двигателями пошли назад. – «Садимся!» – Чирканье колес по полосе. – «Держи, держи переднюю ногу!» – Штурвал снова пошел «на себя». – «Плавно опускай, чтобы не было удара. Торможение! – комментировал свои действия инструктор. – Не жми, тормози порциями». – Меня стало отрывать от спинки сидения на приборную доску, привязные ремни вдавились в плечи. – «Доложи посадку!» – сказал инструктор. – Убери ноги с тормозов! Я сруливаю сам». – Через несколько минут, на стоянке, выключив двигатели и открыв свой фонарь, я перевел дух – инструктор уже находился возле моей кабины и внимательно наблюдал за моими действиями. Как учили, не спеша, я выключил все, что положено и, расстегнув привязные ремни, сдерживая эмоции и собрав остатки сил, твердым голосом обратился к инструктору: «Разрешите получить замечания?» – «Молодец! Все выключил и привел в исходное положение, что бывает не часто. Дело пойдет! Очередной, в кабину!» – Пока следующий курсант устраивался в своей кабине, инструктор слез со стремянки и направился перекурить.

И только теперь я начал восстанавливать в памяти все, что произошло за эти несколько минут полета. Такого сгустка впечатлений и выброса адреналина я не переживал никогда – они остались после просыхания на моем летном комбинезоне в виде кристаллов соли. Острое чувство удовлетворения, что ты справился с работой в условиях вынужденного темпа, где время для проведения обязательных операций максимально спрессовано, где каждое неточное движение ведет к накоплению ошибок на самом ответственном этапе полета – на посадке. Я понял тогда, что значит для летчика наставник – настоящий летный инструктор. Спасибо тебе, мой учитель, я взял с собой твое наставление: «Или ты победишь самолет, или он, не раздумывая, убьет тебя!»

Мощная энерговооруженность бомбардировщика и скорость требовали от летчика лететь «впереди самолета» и все предвидеть заранее. Но правильно выбранная тактика опытного инструктора во время первого ознакомительного полета сделала свое дело, все-

лила уверенность в мои силы и в то, что «трудность не есть неисполнима». Через несколько часов тренировок я первым в своей группе вылетел самостоятельно, подарив пару своих летных часов инструктору на отстающих. При выполнении самостоятельных полетов штурмана в самолет не сажали – его роль (для включения генераторов и для центровки) поручалась отлетавшему свою задачу курсанту. Сидя на катапульте штурмана в конце его кабины (на маршруте он пересаживается на свое рабочее место – к приборной доске и прицелу), не почувствуешь, что есть настоящая скорость. Поэтому, следуя совету друга, перед самым взлетом я отстегнул привязные ремни и парашют и улегся лицом вниз на лобовой триплекс штурманской кабины. Испещренная черными следами шин взлетная полоса побежала назад и слилась в одну сплошную серую линию. Хорошая проверка для нервной системы – наверно так видит бетон дорожки пилот болида на авторалли. После доклада курсанта: «Взлет произвел!» – в наушниках наступила мертвая тишина. Почувствовав неладное, я в одно мгновение вернулся на катапульту, пристегнул привязные ремни и стал ждать команды. Связи с летчиком не было. Самолет продолжал выполнять очередные маневры. Все по плану, значит, все дело в отсутствии радиосвязи. Машинально оглядел пульт энергетики и увидел не включенные мною тумблеры генераторов. Аккумуляторы уже начали «садиться», замерли стрелки некоторых приборов. Я тут же исправил свою ошибку и услышал доклад летчика о выполнении второго разворота. Все произошло так быстро, что он, занятый пилотированием, даже ничего и не заметил. Полет закончился как обычно, а я сделал для себя вывод: никогда не отступать в полете от установленных технологий. Что бы могло произойти, если бы я растерялся и вовремя не исправил ошибку? Я знаю, что мой коллега, оставшись без связи, знал, как действовать. Позже я рассказал ему, что произошло, но он мне не поверил – слишком быстро все восстановилось. «Кому суждено быть утопленным – повешен не будет». Вскоре мы убедились в этом сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.